

The background of the cover is a dramatic, fantastical landscape. In the foreground, a man in a light blue robe with a gold collar and a woman in a red dress with a white headscarf stand on a rocky path. The man is pointing towards a distant, glowing point on the horizon. The woman stands with her hands on her hips, looking at him. The landscape is filled with large, dark rocks and a bright, golden light emanating from the horizon, creating a strong lens flare effect. The sky is dark and filled with numerous small, dark, irregular shapes that look like falling rocks or debris. The overall color palette is dominated by blues, reds, and golds, with a high-contrast, cinematic feel.

ЮЛИЯ
ЦЫПЛЕНКОВА

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧ
О ЧЕМ МОЛЧАТ БОГИ

Литрес

Солнечный луч

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. О чем молчат боги

«Автор»

2023

Цыпленкова Ю.

Солнечный луч. О чем молчат боги / Ю. Цыпленкова — «Автор»,
2023 — (Солнечный луч)

Когда кажется, что теперь все будет непременно хорошо, судьба наносит новый удар. И вроде бы ты только что встречаешь солнечное утро, как ночь настигает тебя на болотах в окружении кровожадных тварей. Что это? Злой рок? Проклятие? Или промысел Высших Сил? Ничего в жизни не происходит просто так. И если в минуту долгожданного счастья судьба велит вновь расстаться с теми, к кому стремится душа, значит, это для чего-то нужно. Белый мир не так прост, как кажется. Он полон загадок, и, похоже, его Создатель желает, чтобы они были разгаданы. Стоит довериться Белому Духу и сделать то, чего он ждет. Иначе не узнать, о чем молчат боги...

© Цыпленкова Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Юлия Цыпленкова

Солнечный луч. О чем молчат боги

Глава 1

Голова была тяжелой, мысли путались, и никак не получалось собрать их воедино. Протяжно выдохнув, я закрыла едва открывшиеся глаза и некоторое время лежала так, слушая тишину. Наконец разум родил нечто похожее на размышления: мне подумалось, что под спящей моей твердо и я даже ощущаю неровности. Повея ладонью рядом с собой, я ощупала сухую траву, мелкие камешки и тонкую ветку с пожухлыми листьями. Лежу на земле...

А потом обоняние уловило неприятный гнилостный запах. Покривившись, я опять открыла глаза и некоторое время смотрела в сумрачное небо. Кажется, наступил вечер, а я почему-то лежу на земле и вдыхаю зловоние.

– Нужно осмотреться, – одними губами произнесла я и повернула голову.

Первое, что я увидела, был плоский валун, на котором лежал небольшой камень, похожий на половину сферы со странными отростками. Я некоторое время рассматривала это сооружение, но затем мой взгляд скользнул дальше. Там была вода, затянутая ряской. Кажется, болото. Да и запах подтверждал мою догадку. Только что я делаю на болоте?

И я вновь поглядела на валун. На верхнем камне появилось нечто похожее на бельма. Сначала два, затем они исчезли, и появилось третье бельмо.

Приподнявшись на локте, я провела ладонью по лицу и опять посмотрела на маленький камень. А в следующее мгновение вскрикнула. Это был не камень! За валуном притаилась неведомая мне тварь. У нее было три глаза! А бельма... О нет, это были вовсе не бельма, чудовище моргало! Сначала двумя глазами, расположенными, где и предполагается, а затем третьим, который находился чуть ниже между ними.

– А! – взвизгнула тварь в ответ и ощерила мелкие острые зубы.

Я расслышала шипение и попыталась отползти. Болотный обитатель запрыгнул на валун и замер в позе лягушки, чуть выставив одну из передних конечностей вперед. Пальцы его были тонкие и длинные, увенчанные острыми когтями, а между ними имелись перепонки, как и на ногах, живо напомнивших мне утиные лапы.

– Пошел вон, – сдавленно выдохнула я.

Тварь уходить не желала. Она снова разинула рот и завизжала громче и на несколько тонов выше. Отвратительнейший звук ударил по ушам, и в моей голове, кажется, что-то взорвалось. Я опять повалилась на землю, не в силах двинуть ни рукой, ни ногой. Однако сознание мое не угасло, и это оказалось самым ужасным, потому что я видела, как вокруг шеи чудовища поднялась и затрепетала тонкая складка кожи, похожая на воротник. Видела, что существо сползает с камня, так и не распрямившись. Понимала, что оно сейчас подойдет и убьет меня, но ничего, совершенно ничего не могла поделать, потому что жить продолжал только мой разум, но не тело. Оно вздрагивало, но мне не подчинялось.

Я продолжала рассматривать тварь, покрытую белесой гладкой кожей. Наблюдала за ее приближением и чувствовала неприятный запах, но попытка позвать на помощь не увенчалась даже мало-мальским успехом. Рот не открылся, и ни единого звука не прорвалось наружу. Я была парализована невероятно высоким и резким звуком. Мне подумалось, что было бы недурно, если я не почувствую, как это неприятное создание начнет меня пожирать...

И вдруг чудовище привстало, глянуло мне за спину и, зашипев, бросилось в болото. А я увидела отсветы огня. И спустя несколько секунд передо мной в землю воткнули факел. Кто-то обошел меня и присел на корточки. Сначала я увидела короткие сапожки небольшого размера,

затем темные штаны, обтянувшие колени. А через мгновение белую косу, свесившуюся мне на лицо.

Это была молодая женщина. Она склонилась совсем низко, заглянула мне в глаза и усмехнулась. Усмешка вышла злой и неприятной, разом испортив миловидное лицо.

– Я бы посмотрела, как черын будет рвать тебя на куски заживо, – сказала женщина. – Рахон говорит, что ты нам нужна. Я так не думаю. Хочу видеть, как ты сдохнешь, пришлая, и однажды я это увижу.

– Не стоит торопиться, махари, – отозвался мужской голос. – Твой отец желает видеть ее живой.

Женщина фыркнула. Она передернула плечами и распрямилась. Но вдруг нога ее дернулась и ударила меня в живот. Я ничего не почувствовала. Выходит, догадка была верна. Тварь парализовала криком добычу, тем самым лишив и чувствительности. Если бы она решила меня сожрать, я бы и вправду ничего не ощутила, кроме внутреннего ужаса.

Передо мной снова появились сапоги, на этот раз высокие, и ноги явно принадлежали мужчине. Он перевернул меня на спину и навис сверху. Мужчина рассматривал меня, а я его и размышляла. Он был мне знаком, как и женщина. Имя Рахон отозвалось в душе протестом, а значит, добрых чувств к нему во мне нет.

– Не беспокойся, Ашити, – заговорил Рахон. – Скоро ты сможешь двигаться. Крик черына оглушает ненадолго. Дурман тоже почти развеялся. Еще немного, и ты всё вспомнишь. Сбежать в этот раз не выйдет, мы не идем через таганы, и помощи ждать неоткуда. Бояться не надо. Черын не осмелится подойти снова, пока рядом горит огонь. И мы не тронем тебя, если будешь благоразумной.

Веки наконец поддались, и я смогла закрыть глаза. Рахон... Рахон... Рахон... Кто же ты такой? Рахон. «Пора в путь, Ашити», – пронесся в голове только что услышанный мною голос. Ашити... Дочь шаманки Ашит, подсказало сознание. Я дочь шаманки Ашит – Ашити. Верно. И мне вспомнился небольшой дом, окруженный бескрайней белой пустыней. А еще перед внутренним взором предстал образ израненного окровавленного мужчины, но уже через мгновение я вновь увидела этого мужчину, но уже совсем иным. Мне вспомнились глаза глубокого синего цвета... «Свет моей души», – шепнул иной мужской голос, и я всхлипнула – Танияр. Мой возлюбленный супруг...

И память, подобно штормовой волне, обрушилась на меня. В один миг я вспомнила всё, что произошло со мной с той минуты, как я осознала себя в пещере, где прятался невидимый и страшный зверь охо. И моя жизнь в Зеленых землях, и свадьба, и знакомство с племенами, и война, и похищение. Рахон! Поклонник Илгиза, отступник и пятый подручный великого махира. Враг! И он снова похитил меня, второй раз!

А эта женщина...

– Мейлик, – с трудом прошептала я.

Нет, не Мейлик. Настоящая Мейлик умерла три года назад, когда илгизитам понадобилось ее имя, чтобы свести с Архамом – братом моего мужа и бывшим кааном. «Твой отец...» – вспомнилось мне услышанное совсем недавно.

– Махари, – снова прошептала я и распахнула глаза.

Великий махир – отец этой женщины! Потому махари – не имя, а титул. Проклятие. Я выругалась про себя и протяжно вздохнула. Похоже, я в Каменном лесу, где обитают твари, подобные черыну, и сбежать мне действительно не удастся. Я попросту не найду дороги и сгину при встрече с очередным чудовищем или же завязну в болоте. И в душе родился жгучий протест – я не хочу идти с ними! Я дождалась своего возлюбленного, я могу быть наконец счастливой и целостной! Только что я сейчас могу сделать?..

Мне отчаянно захотелось проверить, со мной ли еще мой перстень. Тогда всё не так плохо, и я могу показать Танияру, что всё еще жива и где нахожусь. Возможно, тогда он сможет

нагнать похитителей и отбить меня. Их не может быть много. Пагчи легко убили илгизитов в первый раз... но не Рахона. Он отчего-то вовсе не похож на приведение. Жив, здоров и даже не исхудал нисколько. Проклятие...

Впрочем, от брани толку не было, как и от попыток оглядеться, и я заставила себя выдохнуть и набраться терпения. Теперь я лежала, глядя в почерневшее небо, и слушала звуки, доносившиеся до меня. Вскоре это даже увлекло, и я начала составлять картину из того, что слышала. В какой-то момент мне вспомнился танец, который я танцевала для Создателя под музыку жизни. Это и вправду было чем-то схожим с тем, чем я занималась сейчас. Только в этот раз звуки были не нотами, а мазками в полотне бытия.

Вот хрустнула ветка и зашелестела пожухлая листва – чья-то нога потревожила тишину, царившую на болотах. А вот затрещал хворост – это острые язычки огня приняли подношение и, должно быть, отблагодарили людей россыпью искр, подобно фейерверку, взмывшему к небу. Затем до моего слуха донеслись человеческие голоса. Они были приглушенными, и слов я не разобрала, да и не желала сейчас вникать в их смысл – это испортило было целостность картины, подобно жирным уродливым кляксам. И я продолжила слушать звуки.

Теперь они донеслись со стороны болота. Мне живо представилось, как над поверхностью воды, затянутой ряской, появилась голова черына. Должно быть, он решил посмотреть, что происходит с его жертвой. А после, обнаружив меня всё еще в оцепенении, он поплыл к берегу...

Я улыбнулась. Страх не было. Даже не потому, что Рахон желал привезти меня к своему главе в целости, и не потому, что факел продолжал разгонять стусившийся сумрак. Я вообще сейчас не переживала за свою безопасность, и причиной тому стало мое отрешенное состояние, в которое я сумела погрузиться. Именно оно даровало мне покой и умиротворение. И даже когда я слышала шлепки по воде совсем рядом, то лишь прошептала:

– Ты меня не тронешь. – И движение остановилось.

Медленно вдохнув, я так же медленно выдохнула и закрыла глаза, продолжая слушать. А затем я ощутила кожей касание ветра и вновь улыбнулась, радуясь доброму знакомцу.

«Ашити», – прошептал ветер.

Я подняла веки и некоторое время смотрела в бесконечно мудрые глаза, чей цвет уловить было непросто. Поначалу прозрачные, подобно льду, они вдруг налились нежным голубым цветом, а потом глубокая сочная синева насытила радужку, пока и она не потемнела, став почти черной, но лишь почти. И мне казалось, что в этой почти черноте я вижу, как сияют звезды, будто бы на меня глядело само мироздание.

На голове мужчины, чьи волосы были настолько ослепительно белыми, что вокруг них я ясно видела ореол сияния, была уже знакомая мне корона. Он еще мгновение стоял, склонившись надо мной, но вскоре распрямился, и губы Его дрогнули в едва приметной улыбке, доброй и по-отечески ласковой, а еще толику лукавой.

– Создатель, – прошептала я.

Он прикрыл глаза, отвечая мне, а после развернулся и направился прочь, пока не растворился в сумраке, едва достигнув границы света и тьмы. И мир вновь заполнился звуками. Но в них уже не было гармонии, плотно, сотканное моим сознанием, распалось на лоскуты. Однако на душе моей царил прежний покой, а еще была радость, потому что я знала, что означает Его явление – Белый Дух не оставит меня.

Я села, отметив, что тело вновь мне подчиняется, и посмотрела на свои руки. Кольца не было. Нет, я не ощутила паники, потому что верила – Отец вернет мне свой дар, когда придет время, как уже сделал это при моем первом похищении. Досадно лишь было, что я не могу успокоить Танияра тем, что жива и невредима. А еще безумно жаль, что теперь мне недоступна возможность встретиться с ним в реальности, отведенной нам Создателем для свиданий. И я сделала единственное, что сейчас было мне подвластно...

«Мама, – мысленно обратилась я к шаманке, – ты ведь знала, что меня ожидает, когда шла со мной к старому подворью, верно? И раз промолчала, значит, это было угодно Создателю. Я не ропщу и не обижаюсь на тебя, потому что ты верный Его служитель. Но прошу лишь об одном – передай Танияру, что я жива. Меня забрал Рахон, пятый подручный великого махира, и везет через Каменный лес. Мейлик – дочь махира, она тоже здесь.

Мама, еще передай, что у него сейчас много хлопот, пусть не оставляет Айдыгер, он должен быть разумен. Пусть меня и забрали насильно, но дальше я отправлюсь не сопротивляясь, потому что так угодно Белому Духу. Я верю, что Отец свел нас не для того, чтобы разлучить, а значит, миг желанной встречи наступит, когда придет время. Скажи ему, что моя душа горит лишь для него одного и будет пылать, чтобы наш путь друг к другу не затерялся во мраке».

– Пожалуйста, – прошептала я уже вслух и добавила: – Я буду тосковать по тебе и твоей мудрости, мама.

А затем поднялась на ноги и развернулась в сторону костра. Их было всего лишь трое: Рахон, махари и еще один илгизит, которого я не знала. Я машинально проверила, в порядке ли моя прическа, оправила одежду и, натянув на лицо привычное благожелательное выражение, направилась к костру. Как бы я ни была зла за похищение, но решение о перемирии было принято, и отступать от него не имело смысла. Пока меня не вынудят к этому, по крайней мере.

Заметив мое приближение, негромкий разговор стих, и за мной внимательно наблюдали три пары глаз. Враждебно, с любопытством и равнодушно. Думаю, и без пояснений ясно, что злилась на меня махари. Рахону было явно интересно, что я задумала, а третьему илгизиту моя персона была безразлична.

– Итак, – произнесла я, усаживаясь к огню, – ты желаешь исполнить поручение.

Разговаривала я только с Рахоном. Во-первых, он единственный, кто был готов к общению со мной. Во-вторых, я не ощущала в нем враждебности. В-третьих, пятый подручный был моей защитой в пути, а значит, с ним мне и предстояло выстраивать взаимоотношения таким образом, чтобы между нами установился твердый нейтралитет.

– Кто позволил тебе подойти и заговорить? – высокомерно спросила «Мейлик».

Я перевела на нее взгляд и чуть приподняла брови.

– Кто ты такая, чтобы задавать мне эти вопросы? – не менее надменно спросила я в ответ.

– Я – махари, дочь великого махира, – ответила она. Я уловила в глазах илгизитки насмешку и даже понимала ее причину.

Меня, как и всех, водили за нос долгое время. Теперь маска была сброшена, и меня сразили высотой положения персоны, только вот...

– Насколько я поняла из наших прежних бесед с Рахоном, – возведя глаза к небу, задумчиво произнесла я, – великий махир – это служитель культа Илгиза. Он не правитель, но обладатель знаний, которые делают его в чем-то схожим с шаманом. – Я снова поглядела на собеседницу. – Но видишь ли, махари, я ведь тоже дочь служительницы культа Белого Духа, шаманки, превосходящей своей силой многих. Тогда можно сказать, что я – дочь великой Ашит, и это уже уравнило нас с тобой. А еще мы обе жены каанов, к тому же наши мужья уже не являются каанами. Только твой муж беглец, мой – правитель дайната. – Я мило улыбнулась. – Ты всего лишь махари, я же дочь шаманки и дайнани.

– Ты неверно судишь, – мягко произнес Рахон, предупреждая резкий ответ «Мейлик», чьи глаза зло сверкнули. – Великий махир...

– Нет, Рахон, – уже с иной интонацией заговорила я, – в моих словах нет ошибки. Это данность, и данность справедливая. Махир служит Илгизу, проводит обряды и обладает некой силой, которой нет у других. Всё то же самое мы можем сказать и о шамане, лишь с той разницей, что поклоняется он Создателю этого мира, а не его восставшему младшему брату. Разное именование, но суть одна – служитель культа. Верно?

Пятый подручный чуть помедлил, но вскоре усмехнулся и склонил голову в знак согласия.

– Зачем ты позволяешь ей туманить свой разум?! – воскликнула махари. – Ты же знаешь, как сильно я ненавижу ее, но всё равно говоришь с пришлой, словно вы хорошие друзья! Из-за нее умерла Хазма, я чуть не попалась...

– Хазма – это Хенар? – уточнила я.

– Акмаль, – подняв руку, заговорил Рахон, и я узнала настоящее имя третьей невестки Танияра, – ты слишком горяча и ослеплена...

– Она всё разрушила! – выкрикнула махари. – Всё! Если бы она не появилась, Танияр так и не осмелился бы пойти против брата...

– Неверно, – теперь ее прервала я. – Танияр не боялся Архама, он любил брата, потому позволил ему занять свое место. Служил ему и терпел все выходки Селек – убийцы его матери. Только ради брата. И так бы было и после моего появления, но вы сами всё разрушили. Селек решила женить его на дочери Елгана, когда он уже выбрал меня. А вы, илгизиты, выкрали его возлюбленную. Вы все разъярили йартана, и он вонзил в вас зубы. К чему обвинять меня в собственных ошибках? Танияр всего лишь хотел быть счастливым с выбранной им женщиной. Не влезли бы, он и по сей день оставался бы алдаром, верным своему каану. Однако Архам отправил брата жениться на Саулык, а Рахон выкрал меня, но довез лишь до пагчи, где я узнала правду о смерти Вазамы, и колесо Судьбы уже было не остановить.

– Однако Судьба вернула тебя на прежний путь, и он уводит тебя от мужа и Айдыгера, – с улыбкой заметил пятый подручный.

– Кто знает, куда этот путь приведет в итоге, – ответила я и, подмигнув, легко рассмеялась.

Махари, сердито фыркнув, встала и скрылась в темноте. Рахон на миг обернулся, провожая ее взглядом, но вскоре снова посмотрел на меня. Заговорить он не спешил, и взгляд стал испытующим. Пятый подручный не усмехнулся в ответ на мой смех, напротив, мне показалось, что он хочет проникнуть в мои мысли и понять причину столь неожиданного спокойствия и даже дружелюбия. Я вопросительно подняла брови.

– Что такое, Рахон? – спросила я. – Тебя удивляет мое спокойствие? Отсутствие проклятий и слез? Ожидал, что я попытаюсь сбежать или же буду запугивать и угрожать? Это ни к чему. Бежать – глупо, ссориться тоже. Да, я безмерно зла за то, что ты похитил меня и лишил радости быть рядом с любимым мужчиной, когда наконец дождалась его. Однако всё уже произошло, и что-то изменить невозможно. И потому я не буду ни проклипать, ни голосить, ни вести себя безрассудно.

– Хорошая новость, – кивнул пятый подручный, но взгляд его так и остался испытующим, будто он не получил нужного ему ответа.

Впрочем, копаться в причинах недоверия и подозрительности Рахона я не стала, их было немало. У меня имелись собственные соображения и желания, которым я не видела повода отказывать. И в первую очередь я хотела получить ответы на свои вопросы. Почему не сейчас? Беседа у костра способствовала откровенности.

– Я хочу задать вопросы, Рахон, – сказала я. – Думаю, ты не откажешь мне в ответах.

– А ты ответишь на мои? – прищурился илгизит, и я пожала плечами.

– Почему нет? Отвечу.

Вот теперь пятый подручный снова улыбнулся и кивнул:

– Спрашивай.

– Берик и мои рырхи, что ты с ними сделал? Я так и не подошла к ним...

– Они заснули, как и все, – ответил илгизит. – Они живы. Ты это хотела узнать?

– У меня много вопросов, этот был первым, – сказала я. – Теперь я хочу узнать о побеге и моем похищении. У меня не складывается картина. Я знаю, что ты можешь влиять на сознание, но вряд ли тебе хватило бы сил, чтобы зачаровать весь Иртэген и выйти в ворота...

– Ворота нам были не нужны, – прервал меня Рахон, уже понимая, что меня интересует. – Под старым подворьем есть подземный ход, его приказала вырыть еще Селек. Архам рассказал о нем Акмаль, она передала мне через Хазму.

– Когда Селек...

– Когда сделала своего сына кааном, – снова опередил мой вопрос пятый подручный. – Она тряслась от страха и всё ждала, что ягиры взбунтуются и придут отнимать чelyк. Тогда и велела Нихсэту найти того, кто пророет им с Архамом путь к спасению. Он нашел нужных людей в одном из дальних таганов. Пока они трудились, жили на каанском подворье, строили новую часть дома. А к этой части вели подземный ход. Стройку люди на подворье видели, остальное было от них скрыто. А когда работа была закончена, землекопы и строители исчезли.

– Исчезли?

– Селек сказала Нихсэту, что сама расплатилась с ними и отпустила, но она отплатила им иначе – чашей с ядом.

– Архам знал и об этом? – нахмурилась я.

– Нет, он знал столько же, сколько и Нихсэт, – усмехнулся Рахон. – Я сам всё понял, когда прошел по этому ходу. Селек не могла вывезти тела и оставила их прямо там. Я видел костяки.

Устремив взгляд в сердцевину пламени, я криво усмехнулась. Сколько же жизней собрала эта женщина? Однако быстро отбросила досужие размышления и вновь обратила всё внимание на Рахона.

– Архам показал Акмаль, где находится этот ход, – продолжал пятый подручный. – Так я и пришел за ней, когда Хазма дала мне знак, что правда открылась.

И вот тут я впиалась в него взглядом, потому что дать знак «Хенар» никак не могла – она находилась в темнице и не покидала ее. Да даже тогда, когда ее привели, она еще не могла знать, в чем мы будем ее обвинять. До прихода Илана узница могла говорить всё, что вздумается, и никто бы не смог опровергнуть ее слов. Но если произошла передача известий, тогда это мог сделать только ягир, который стоял под дверью темницы...

– Ты ищешь предателя, – верно понял мой взгляд илгизит. – Не ищи. Ни один человек не сумел бы принести мне эту весть, я был за стенами Иртэгена.

– Тогда как?

Пятый подручный усмехнулся и вытянул из-под рубахи веревку, висевшую на шее. На ней был медальон из черного камня. В середине был вырезан непонятный мне символ.

– Это шавар, – пояснил Рахон. – Связующий знак с теми, кто носит похожие. Мой первый, у Акмаль второй, у Хазмы был третий. Если сломать шавар, я это почувствую и увижу, чей сломан. Видишь? – Он поманил меня ближе и указал на едва приметную трещинку. – Это шавар Хазмы. Она сломала его, и я узнал, что Акмаль грозит опасность. После этого я отправился за махари на подворье...

Стало быть, шавар был спрятан где-то в одежде, может, висел на руке, потому что с шеи узница точно ничего не снимала и не вытаскивала. Она всё больше сидела отвернувшись и мяла то рукав, то подол... Да, наверное, тогда и сломала, потому что поняла, что уже не покинет подземелья, если только для принародной казни.

– Подожди, Рахон, – я подняла руку, останавливая собеседника, и он ответил мне вопросительным взглядом. – Хорошо, Хазма сломала свой шавар, я даже могу представить, когда она это сделала. Но почему вы уверены, что она мертва? Акмаль обвинила меня в ее смерти, но трупа вы не видели и видеть не могли, даже не знаете, как она умерла. И была ли казнена вообще до вашего побега.

– Она мертва, – донесся до нас голос махари.

Должно быть, справившись со своей злостью, женщина вернулась к костру и уселась на прежнее место. На меня она не смотрела, мне это было безразлично, и я вновь поглядела на Рахона.

– Раз она сломала шавар, значит, вы узнали, кто она, – заговорил пятый подручный. – После этого Хазма должна была пожертвовать собой, чтобы спасти махари. Хазма присматривала за Акмаль, когда та была еще ребенком, любила ее больше, чем могла бы любить родная мать, и она бы позволила себя разорвать на куски, но не выдала махари. Значит, она умерла.

– Верно, – кивнула я. – Так и было, ее порвали рырхи, когда она кинулась на меня.

Махари мазнула по мне тяжелым взглядом и снова отвернулась. Рта она так пока и не открывала, только слушала. Рахон коротко вздохнул и улыбнулся – его гибель Хазмы волновала мало. Из этого я сделала вывод, что между шпионкой и пятым подручным не было даже дружеской привязанности. Кажется, и особой ценности она для него не представляла.

– Она была прислужницей? – спросила я.

– Она отдала свою жизнь на служение нашему Покровителю. За преданность махир взял Хазму в свой дом и даровал великую честь – смотреть за его единственной дочерью. Вместе с ней и отправил в Зеленые земли.

Стало быть, Хазма была фанатиком. Да, такая могла намеренно броситься и в пасть рырхам, и под ленгены, чтобы сберечь свою госпожу и оправдать доверие господина. Я посмотрела на Акмаль и заметила, что она глядит на меня насмешливым взглядом. О, разумеется. Рахон только что показал, насколько высоко ее положение, жаль оценить не могу. В моем мировоззрении ничего не изменилось. И мне захотелось сказать гадость.

– То, что илгизиты появились в Зеленых землях, мы с Танияром поняли уже давно. И Мейлик с Хенар попали под подозрение очень быстро, – произнесла я. – Мы приглядывались к ним. Да и сами они делали столько глупостей, что только еще больше приковали к себе внимание. – Взгляд махари заледенел, на щеках проступил румянец. Я усмехнулась и продолжила: – И одна из них – отравление. Зачем оно было нужно?

Я посмотрела на пятого подручного, но он сам повернул голову в сторону махари. Акмаль покусывала губы, наконец нервно передернула плечами.

– Всё из-за Хасиль, – сказала она с неприязнью. – Она всё испортила, когда побежала на сангар. Я хотела, чтобы народ не верил Танияру, чтобы роптали всё сильнее, когда вы будете что-то менять. И Хасиль говорила, потому что она тебя ненавидела. Но она дура! – рывкнула бывшая каанша. – Взяла и побежала собирать народ. Слишком быстро. Люди еще мало слушали. Ты пришла и опять головы повернула в ту сторону, в какую тебе надо. Тогда пришлось думать, как сделать, чтобы отнять у вас с Танияром людское доверие. Чтобы думали, вы их обманываете, что ты злая и хитрая. И опять всё не так вышло. Ты ворота закрыла, и Хазма не смогла прокричать на весь Иртэген, что вы с Эчилъ меня извести хотите...

– Эчилъ? – изумилась я. – Она-то вам чем помешала?

– Она стала твоей тенью и за Танияра могла любому в глотку вцепиться. А еще... – Акмаль криво усмехнулась. – Ее дочери старшие и из рода каанов, что по отцу, что по матери. Они выше моей Белек. Дочери Хасиль – мусор, они ничего не значат, мне бы не помешали, а Тейя и Йейга права на два тагана имеют. Убрала бы мать – исчезли бы и дочери.

Я брезгливо передернула плечами от цинизма, который ясно слышался в голосе некогда «скромной» Мейлик. Она говорила о детях! Мусор... Что старшие дочери Архама, что средние. Одних уничтожить, от других отмахнуться. И я запомнила это высказывание. После выдохнула и постаралась вернуть себе видимое благодушие.

– А потом я сама людям сказала, что тебя отравили, и отравили вне старого подворья, чем указала на Хамзу и вынудила в ней усомниться. Мы поменялись ролями, – кивнула я с пониманием, не став пояснять непонятное слово. – Хорошо, допустим, меня бы не было на

подворье, когда ты пришла. Тебе бы стало плохо, вызвали бы Орсун. Заподозрили бы отравление корнем тэрде. Но с чего ты взяла, что вам бы поверили?

– Тэрде действует быстро, значит, отравить могли только на подворье, – ответила она. – Но даже если бы люди и не поверили, сомнения всё равно бы остались. Здесь сомнения, там недоверие – ручей гору разрушить может. Жаль, ты опять помешала. Всегда мешала. – Мне достался очередной неприязненный взгляд. – Как появилась, одни беды начались. Еще и Хазма... Мне Илан иначе был нужен. Через него я бы и промеж вас с Танияром разлад посеяла. А она его имя назвала, чтобы тебя с пути сбить. Выбрала за его любовь. Знала, что за нее Илану не верят ни каан, ни ягиры. А если бы ты вступилась, то и на тебя бы смотрели с подозрением. Если бы так случилось, я бы простила Хамзу, да только она хуже сделала. Илан после этого нам в горло вцепился. Чуть не прибила ее тогда от злости.

Вздыхнув, я подняла с земли прутик и сунула его кончик в огонь.

– Вы решили меня убить, потому что от меня все беды? – спросила я, глядя на то, как на кончике прута заиграл язычок пламени. – Или хотели ослабить Танияра? А может, пытались так избавиться от Илана, который начал вас шантажировать? Его ведь послали к убийце, правда, он оказался умней и сделал по-своему.

Я заметила, как Рахон покривился и покачал головой. Кажется, он затеи с моим убийством не одобрял. Впрочем, оно и понятно. Задачей пятого подручного было привести меня к великому махиру. Они ожидали пользы от моих знаний, и я показала, что они у меня все-таки имеются. И раз он дождался моего появления на старом подворье, значит, считал важным исполнить поручение. Наверное, это был его последний шанс, потому что оставаться дальше уже не мог – махари была раскрыта.

– Хватит разговоров, – резко произнесла Акмаль. – Я устала, буду спать.

– Да, нужно отдохнуть, – согласился Рахон. – Завтра мы будем много идти, нужны силы. Ложись, Аштити.

Я возражать не стала. О моем удобстве никто не позаботился, на это я лишь хмыкнула и растянулась на земле. Я вновь глядела в звездное небо, но уже не прислушивалась к звукам – я думала. Перед мысленным взором, словно частички мозаики, откровения Акмаль заполняли собой бреши. Даже представила, как страдала махари, когда продолжала разыгрывать простодушную Мейлик, а хотелось вцепиться мне в горло. Как же ее коржило от злости и ненависти!

Бедняжка... Я усмехнулась. Это же с каких высей она, дочь великого махира, летела в пропасть бессилия, не имея возможности что-либо изменить! Когда-то явилась в Зеленые земли, чтобы стать госпожой, а сейчас возвращалась обратно, так ничего и не добившись. Только кровавый шлейф из впустую загубленных жизней тянется следом. Первое разочарование – дочь. Если бы родился сын, то Эчиль со своими детьми перестала представлять опасность, сколько бы каанов в роду у них ни было. Второе – свержение Архама. Третье – ни одна из ее задумок после бегства мужа не увенчалась успехом, и тому причиной уже и вправду была я.

Но разве же такая раздутая пустышка поймет, что дело не в том, насколько хорошо у меня подвешен язык, а в доверии людей, с которыми я подружилась, в отличие от Акмаль. «Такая она, наша Аштити, на доброе слово щедрая и с каждым приветлива. Как ласковое солнышко», – так отзывались обо мне ягиры. Потому и приняли меня в Зеленых землях быстро, потому и шли за советом и со своими бедами и радостями. Потому хоть и слушали навет, но, едва я начинала говорить, уже не сомневались в моей правоте.

И потому ты желала мне смерти, махари. Я даже была уверена, что именно зависть к моим успехам породила столь лютую ненависть. И эта ненависть привела в Ирэтген убийцу. И я также была уверена в том, что всё началось с желания меня уничтожить, а уже после родилось обоснование, каким бы оно ни было: моя вьедливость, Танияр, Илан или что-то еще, – и увидела их Хазма, раз решила подставить бывшего советника. А для Акмаль единственной причиной оставалась смерть ради смерти. Потому она и прервала разговор – ответить было нечего.

Снова усмехнувшись, я повернула голову и обнаружила, что Рахон смотрит на меня. Взгляд был пристальным, даже пронзительным, будто он вновь пытался влезть мне в голову и понять, что я скрываю за показным смирением. Я почувствовала себя неудобно, но показывать этого не хотелось. И я села.

– Как ты выжил? – задала я новый вопрос. – Пагчи были уверены, что убили всех.

– Когда они выстрелили, я упал и лежал, пока они не ушли, – ответил пятый подручный. – Пагчи не проверяли, просто посмотрели, что никто не пытается сбежать, и ушли. Всего лишь маленькая хитрость, они поверили. – Он усмехнулся и вдруг спросил: – Почему ты хочешь идти с нами?

Я ответила удивленным взглядом.

– Хочу? Нет, Рахон, я не хочу идти с вами. Я хочу вернуться к мужу и забыть о вас, будто мне приснился дурной сон. Но вернуться я не могу, а ты не отведешь меня назад, верно? – Он кивнул, и я пожала плечами: – Так какой смысл сопротивляться, если ничего изменить нельзя? Я это уже говорила.

Он тоже сел, скрестил ноги и склонил голову к плечу.

– Я помню, – сказала илгизит. – Но мне непонятно. Ты больше злилась, когда я забрал тебя в первый раз. Тогда для всех ты была пришлой, а Танияру всего лишь гостьей. Теперь ты его жена. У тебя появилась власть, тебя почитают люди. Сейчас уйти должно быть еще тяжелей, но я вижу, что ты готова к дороге, и не понимаю почему.

– А ты влезь ко мне в голову, – прищурившись, предложила я. – Ты же умеешь управлять сознанием. Может, и найдешь иной ответ, раз этот не нравится.

Рахон еще некоторое время смотрел на меня. После поднялся на ноги и приблизился. И когда он протянул руку, я отпрянула, но илгизит сжал мое плечо и присел на корточки. Он накрыл мой лоб ладонью, я отбила ее. Мы снова мерились взглядами, и пятый подручный вдруг выдохнул, затем мотнул головой и снова встал. И я поняла – не получается! Он не может влиять на меня!

– Не выходит? – полюбопытствовала я.

Илгизит не спешил ответить. Он вернулся на прежнее место, уселся и лишь после этого сказал:

– Ты закрыта от меня. Это ничего. Великий махир сломает этот щит. Он могущественней меня.

Умиротворенно вздохнув, я произнесла тоном, полным благочестия:

– На всё воля Белого Духа.

Рахон не ответил. Он усмехнулся и снова лег.

– Спи, Ашити, завтра нам предстоит долгий путь.

«Пусть Увтын не будет к вам милостив», – подумала я, так пожелав илгизитам ночных кошмаров. После тоже легла и повернулась спиной к костру и к пятому подручному. Любопытно... Когда он похитил меня в первый раз, то заставил спать, а сейчас, похоже, не может и этого.

– Благодарю, Создатель, – шепнула я и закрыла глаза, но вскоре вновь их открыла и опять села. – Рахон, – позвала я. Он открыл один глаз, скосил его на меня, и я задала следующий вопрос: – Это ты ослепил тех, кто следил за Селек и Архамом?

– Я, – ответил он.

– Выходит, тебя долго не было, пока ты провожал беглецов?

– Я вернулся за два дня до битвы под Иртэгоном, – ответил пятый подручный и в очередной раз устремил на меня испытующий взгляд. – Почему спрашиваешь?

Бросив насмешливый взгляд на Акмаль, я сказала:

– Значит, она воспользовалась твоим отсутствием, чтобы призвать убийцу. Ты ведь не позволил бы этого сделать...

– Мне не нужно разрешение Рахона, – заносчиво отозвалась махари и села. – Это он слушается меня, а не я его.

Я покивала, не глядя на нее. Однако мысленно усмехнулась не без сарказма. Доказательством обратного была я, живая и невредимая. Если бы Рахон и вправду слушался Акмаль, то меня бы уже доедал черын, а то и вовсе я осталась лежать на старом подворье со свернутой шеей. Однако я сижу здесь и говорю с ними, и дочь великого махира посмела ударить меня только раз, пока не подошел пятый подручный.

Впрочем, вслух я этого не сказала, чтобы не началось склоки, но необходимый вывод сделала. Вместо этого я произнесла:

– Любопытно, ты дважды оставлял махари на продолжительный срок. Хазма не обладала твоей силой, иначе она бы вложила Илану в голову свою историю, и он безропотно пошел бы на казнь за попытку отравить Мейлик. Да и воином вряд ли была. Неужто Акмаль оставалась в одиночестве, без охраны? – И добавила, подначивая своих собеседников: – Неужели великий махир допустил, чтобы его дочь могла пострадать? Если так, то, выходит, не столь высоко он ценит махари.

– Ты... – начала Акмаль, но пятый подручный остановил ее жестом и произнес с прохладной улыбкой:

– Махари не оставалась без охраны. Отец позаботился о своей дочери.

Я покосилась на третьего илгизита, еще ни разу не принявшего участия в нашем разговоре, однако он больше напоминал тех воинов, которых перебили пагчи во время моего первого похищения, чем еще одного подручного махира. А значит, остался еще кто-то. Любопытно...

– Пожалуй, и вправду пора спать, – сказала я и скрыла зевок за тыльной стороной ладони.

Спать мне не хотелось, но и разговаривать дальше желания не имелось, а вот обдумать новые сведения очень даже. И я снова легла. Я некоторое время лежала, слушая дыхание моих спутников. И если Акмаль еще какое-то время сердито сопела и вертелась с боку на бок, то Рахон быстро погрузился в сон. Третий наш спутник остался сидеть, поддерживая огонь. Должно быть, иной угрозы в Каменном лесу, кроме жутких тварей, не имелось, а от них защищал свет костра. А потом и мои мысли начали путаться, и я заснула...

– Ашити!

Кончики пальцев обожгло холодом. Я распахнула глаза и охнула, ощутив себя в крепких объятиях.

– Ашити...

– Танияр, – простонала я и уткнулась лицом в грудь своего мужа.

Мы были в нашей реальности, а значит, Белый Дух вернул мне свой дар. Вскинув голову, я с жадностью взглядела в лицо дайна. Он был взволнован и заметно зол, но не на меня, потому что следующее, что произнес мой супруг, было:

– Что с тобой? Как далеко тебя увели?

– Мама...

– Вещая передала мне твои слова, – прервал меня Танияр. – Я не хочу ждать, не хочу оставлять тебя в их руках. Скажи, что вокруг тебя, и я приду...

Теперь я остановила дайна, накрыв его губы кончиками пальцев.

– Рядом болото, – ответила я. – Но я не знаю, в какой я стороне.

– Я найду...

– Нет, – я отрицательно покачала головой. – Я пойду с ними, такова воля Создателя. Он приходил ко мне, жизнь моя, и Он меня не оставит, я знаю. Рахон не может больше воздействовать на меня. Я закрыта от него. И он забрал у меня все украшения, точно не зная, в каком из них скрыто «Дыхание Белого Духа». Но посмотри сам, мы встретились и разговариваем.

– Я не оставляю тебя, – отчеканил упрямец, и я усмехнулась:

– Килим.

Ответом мне стал по-прежнему упрямый взгляд. Я шагнула к супругу, поднялась на цыпочки и потянулась к нему. Танияр прижал меня к себе что есть силы, и наши губы встретились. А когда я отстранилась, мой возлюбленный был мрачен, но уже не столь воинственен, как несколько минут назад.

– Я не хочу потерять тебя, – сказал дайн, и я провела по его щеке ладонью. – Я сделал всё, чтобы вернуться, но теперь исчезла ты. Будто духи смеются над нами. То сводят, то разводят... Я не могу смириться с этим.

– Как же я люблю тебя, – прошептала я, не сводя с него взгляда, и мое сердце таяло от нежности. Обняв его за талию, я прижалась щекой к широкой груди и зажмурилась что есть сил. – Изю всех сил люблю...

– Не хочу без тебя, – ответил Танияр, и я посмотрела ему в глаза.

– Не сомневайся в Создателе, Он не оставит нас, – сказала я. – Раз позволил забрать меня, значит, на то есть Его воля. Верь Ему, как верю я.

Дайн невесело усмехнулся и провел ладонью по моим волосам:

– Только на Отца и надеюсь.

Вдруг образ супруга померк, и я уже не ощущала под ладонями прежней упругости его тела. Должно быть, Рахон уже ощутил силу Белого Духа, и значит, времени у нас осталось совсем мало.

– Послушай, Танияр, – сосредоточенно заговорила я. – Не оставляй сейчас Айдыгер, укрепи его. Нельзя бросать дитя, едва оно успело родиться. И ищи врагов. Они всё еще рядом с тобой. Рахон увел твоего брата, но оставался еще кто-то, кто охранял махари. Ее настоящее имя – Акмаль, она дочь великого махира. Хенар звали Хазмой, и она была прислужницей махари. Она передала весть Рахону из темницы, сломав шавар. Это черный круг, медальон. На нем есть символы. У Рахона он на груди, у Хазмы, наверное, был на руке. А раз в Айдыгере остался еще кто-то из подручных махира, то у него тоже будет шавар, и у тех, кто с ним связан. Если увидишь – не сломай. Это встревожит их. Найди, любовь моя, найди врагов. А я передам, что еще узнаю. Не сама, так через маму.

– Ашити, я почти не вижу тебя, – донесся до меня призрачный шелест.

– Не тревожься за меня, я в безопасности! – крикнула я и повторила: – Найди врагов!

– Услышал... найду, – прилетело ко мне обрывками тающей фразы. – Верну... Люблю... свет... души...

– И я тебя, – прошептала я в ответ и распахнула глаза.

Пятый подручный рывком развернул меня. Глаза его были черными, взгляд метался по мне. Я в деланом удивлении приподняла брови. Рахон схватил меня за руки, осмотрел землю, но там ничего не было, только пальцы мои были слегка влажными от растаявшей льдинки. Илгизит вернулся к своему месту, достал из мешка мои украшения, и я увидела свой перстень совершенно целым, будто бусина и не покидала оправы.

– Что случилось, Рахон? – с ноткой раздражения спросила я.

– Ничего, – буркнул он, – спи.

– Вот теперь ты меня действительно разозлил, – проворчала я, вновь укладываясь.

Ответа не последовало. Я усмехнулась и устремила взгляд в небо. Благодарю, Отец...

Глава 2

Утро в Каменном лесу было хмурым и неприветливым. Удивительно, я видела голубое небо и даже свет солнца на верхушках каменных столбов, подпиравших небосвод, но ниже они так и не опустились, будто землю накрывал незримый купол. Я некоторое время смотрела вверх и всё ждала, что вот сейчас лучи скользнут ниже, а не дождавшись, коротко вздохнула и поглядела вокруг себя – меня окружал унылый серый цвет.

Теперь я лучше видела, что собой представляет Каменный лес. Обычных деревьев тут оказалось совсем мало, и все они были чахлыми, кривыми и почти без листвы. Их пожухлая одежда лежала под ногами, скрывая такую же редкую и пожухлую траву. Пейзаж был до крайности тоскливым. И пусть холода не было, я всё равно зябко обняла себя за плечи.

– Больше не храбришься? – услышала я насмешливый вопрос махари и усмехнулась в ответ, не удостоив ее ничем более.

После перевела взор в сторону болота. Оно было достаточно большим, и сказать, где заканчивается зыбкий берег и начинается твердая земля, я бы не решилась, как и попытаться там пройти. Признаться, если бы я вчера решила ждать рассвета, чтобы попытаться сбежать, то сегодня отказалась бы от своей затеи, испугавшись оказаться в трясине.

– Не бойся, – сказал Рахон, остановившись рядом.

Я обернулась и приняла у него кусок хлеба и сыр, приготовленный из молока мгизы.

– Благодарю, – кивнула я и снова отвернулась.

И пока ела, продолжала озираться. Мой взор скользил по высоким каменным столбам, давшим название лесу. Я бы не смогла обхватить их двумя руками, для этого мне понадобилась бы помощь не менее трех-четырех человек. Стены столбов были неровными, будто покрытые наростами, а некоторые и вовсе казались сложенными из нескольких частей. И на них не было ни растительности, ни случайно проросшего семени дерева, ни даже мха. Только камень и ничего больше.

Увлечшись, я приблизилась к ближайшему столбу и неспешно обошла его по кругу. Затем прижала ладонь к холодной поверхности, немного постояла так и отступила, продолжая следовать взором до самого верха, где пытались пробить дорогу к земле солнечные лучи.

– Что ты чувствуешь, Ашити, когда видишь их?

Голос Рахона прозвучал неожиданно, и я вздрогнула. Он протянул мне глиняную флягу с водой. Вновь поблагодарив, я сделала несколько глотков, вернула флягу и опять посмотрела в самую высь.

– Почему солнце не спускается ниже? – спросила я, не глядя на пятого подручного.

– Потому что это Его земля, – ответил илгизит. – Он сотворил всё это.

– Илгиз? – уточнила я.

– Ты не смеешь называть нашего Покровителя по имени, пришлая, – донесся до меня голос Акмаль.

– Вы же смеее называть по имени Создателя этого мира и вашего Отца, – пожала я плечами. – Непочтение детей не может искупаться почтением последователей. – Затем обернулась к Рахону и спросила уже у него: – Значит, Каменный лес создал Илгиз?

– Да, – кивнул пятый подручный. – Оглянись, Ашити, разве ты не чувствуешь трепет от величия этого места?

– Величие? – переспросила я и действительно еще раз обвела взглядом пространство, а после опять посмотрела на илгизита. Он ждал ответа, а я думала, что же мне сказать.

Чтобы поддержать между нами доверительные отношения, надо было бы согласиться, однако душа протестовала. То, что я видела, было лишь жалкой потугой превзойти старшего брата. Что сотворил Илгиз? Он испоганил, должно быть, некогда цветущие земли, как те, на

которых жили тагайни. Болота вместо чистых озер, растительность, которой не дано налиться соками и ласкать своим видом взор. Уродливые кровожадные твари, лишенные дара слова вместо людей, полных чувств и желаний. И наконец, эти столбы. Что они такое? Монумент своему создателю? Нечто начатое и не доведенное до конца? Или же попросту единственное, что ему удалось, потому что Илгиз повелевает камнями? Впрочем, как раз столбы и вправду впечатляли.

– Столбы и вправду впечатляют, – повторила я свою мысль вслух. – Что они символизируют?

– Символизируют? – переспросил Рахон.

– Что означают? – пояснила я. – В чем их смысл? Что призваны показать?

– Величие нашего Покровителя, – снова влезла махари. – Тебе, пришедшая, не понять.

Пятый подручный неодобрительно покосился на нее, а после произнес:

– Они основание и опора свода. Ты вошла в мир, созданный нашим Покровителем.

– Мир в мире? – уточнила я. – Но, выходит, он не создан, а лишь преобразован из уже созданного, верно? Илгиз внес свои изменения в творение своего брата, я правильно понимаю?

Рахон поджал губы, смерил меня непроницаемым взглядом и, заложив руки за спину, отошел, бросив на ходу:

– Мы уходим, Ашити.

– Хорошо, – ответила я, в последний раз посмотрела на солнечное небо и направилась за своими похитителями.

Мы шли в молчании. Особой поклажи не было, если не считать пары наплечных сумок, которые несли Рахон и неразговорчивый илгизит. Первым вышагивал пятый подручный, за ним шла махари, я за ней, а замыкал шествие воин – так я решила его называть. Я прислушивалась к звукам этого подгнившего мирка, но тишину почти ничего не нарушало, несмотря на дневное время. Не было птичьих криков, не шуршал опавшими листьями зверь, даже ветра я почти не ощущала.

Не имея иного занятия, я углубилась в размышления. Впрочем, они были праздными. Я не обдумывала что-то важное, просто вспоминала слова Рахона о Каменном лесе. И чем больше думала, тем меньше понимала, что привлекает людей в таком покровителе, как Илгиз. Жалкие потуги его выглядели смешными рядом с деяниями старшего брата. Белый Дух создавал жизнь, его брат – лишь ее подобие. Я сомневалась, что здесь обитают существа хоть немного симпатичнее черына. Может, они и были разумны, но в это верилось с трудом. Впрочем, заботу о своих созданиях он все-таки проявил, наткнув столбов, которые поддерживали некий свод, не позволявший проникать в этот маленький мирок солнечному свету, а яркий свет местные твари не выносили, что показал пример с факелом. Однако без солнца чахли и умирали растения, а значит, однажды тут не останется ничего, кроме болот, тварей и каменных столбов. Неприятное место.

– Рахон, – позвала я пятого подручного. – Ты ведь не опасешься существ, которые здесь обитают?

– Не опасюсь, – ответил он. – Никому из нас, кроме тебя, они не страшны. На нас знаки Покровителя.

Акмаль полуобернулась и насмешливо поглядела на меня. Я лишь фыркнула, вновь не сраженная ее значимостью. Но мне вспомнилось иное, и потому следующий вопрос я задала уже махари:

– Почему ты хотела иметь много братьев, Акмаль?

Теперь она развернулась ко мне лицом, но не остановилась, а продолжала идти спиной вперед. Я пояснила:

– Ты говорила Эчиль, что сестры – ничто, ты хотела иметь много братьев. Почему? Тебя обижали и ты видела в них защиту?

Махари приподняла брови, а после рассмеялась. Теперь она вновь шла, глядя вперед, а я смотрела на ее затылок. Мне подумалось, что женщина не ответит, однако она заговорила.

– Не было глупцов, кто бы осмелился обидеть дочь великого махира. Ко мне относились с почтением. Все прислужники и воины склоняли головы, – закончила она со знакомой заносчивостью.

– Тогда почему?

Акмаль снова бросила на меня взгляд искоса.

– Да, я видела в братьях защиту, но не там, где ты думаешь, – сказала она. – Я – надежда отца, только я могу дать ему то, что он хочет. И если бы у меня были братья, то их бы воспитали как мою охрану. Они были бы лучше иных воинов, потому что нас бы связала кровь.

Кивнув ей в спину, я все-таки возразила:

– Я думаю, ты ошибаешься, Акмаль. – Она обернулась, и я продолжила: – Дети одного отца, и он делает выбор в пользу ребенка, который кажется ему наиболее полезным и нужным. Возвышает его, а остальным велит служить избраннику. Кто-то выполнит наказ, а кто-то затаит злобу. Ревность способна создать брешь в такой защите, соперничество и ненависть. То, о чем ты говоришь, возможно, но если не делать между детьми различия, растить на равных, вкладывая им в голову нужную идею. Но ты привыкла считать себя выше других, уверилась в великом предназначении и потому видишь в братьях прислугу, но не ровню. Нет, в таком случае рядом с тобой были бы враги, а не защита.

– Откуда тебе знать, пришедшая, – фыркнула махари.

– Это всего лишь размышления, – я пожала плечами. Однако у меня был еще вопрос. – Я еще кое-что не могу понять. Вы убили почти всю семью, чтобы заполучить их имена, подготовили неплохую легенду. Собрали вокруг себя охрану и помощников, которые тоже успешно осели в Ирэгене и неподалеку. Тагайни вам сами помогли своей доверчивостью. Но вот что не дает мне покоя. – Теперь и Рахон обернулся. – Почему вы были так слабы в мелочах? Эчилъ завела с тобой разговор о детстве, но ты даже ничего не смогла придумать, чтобы обмануть. Просто отговаривалась, да вот про братьев сказала. И Хазма тоже. Я просила ее рассказать о детстве дочери, но она отвечала так, что возникало только еще больше вопросов, потому что по всему выходило – мать не знает дочери. И как же было не заподозрить неладное? Если уж и не причастность к отступникам, то нечто дурное в прошлом, что не позволяет открыться. Почему, Акмаль?

– У меня было другое детство, – ответила она, не оборачиваясь.

И я вдруг поняла!

– Вы не знали, во что и как играют дети в таганах? Вам попросту не о чем было говорить? Так?

– Жизнь выроdkов Урунжана нам неинтересна, – с раздражением ответила махари, и я хмыкнула:

– Ого. Как-то грубо ты отзываешься о своих братьях и сестрах. Выходит, и о себе.

– Мы не имеем с ними ничего общего! – рявкнула Акмаль, и я возразила:

– По убеждениям – правильно. Они – преданные дети своего Отца, вы – отступили от веры. Однако и ваши предки были созданы Белым Духом. Зачем же так говорить о своих корнях?

Махари порывисто обернулась и нацелила на меня палец:

– Да что ты знаешь, пришедшая?

– Я знаю, что такое верность, – ответила я. – Я знаю, что такое ценить свои корни...

– Да ты даже не помнишь о них! – воскликнула Акмаль.

– Но это не означает, что я отреклась от них, – сказала я, ощутив первый укол раздражения.

– Но ты не желаешь о них вспоминать, – произнес Рахон, и я перевела на него взгляд.

Замечание было справедливым. Мы говорили об этом, и мой ответ илгизит знал. Однако раздражение от этого только разрослось, но я скрыла его и ответила с прохладой:

– Неверно. Мое нежелание основывается не на презрении к своему прошлому. Я не знаю, что осталось за моей спиной. Я бы желала передать весть тем, кто печалится обо мне, что жива и здравствую. Но кто и что на самом деле ждет меня там? Я ведь не знаю, как я оказалась в этом мире, потому, возможно, мое беспамятство – благо, тогда к чему его нарушать? В любом случае, – я снова улыбнулась, – на всё воля Создателя.

– И все-таки ты не желаешь знать свои корни, – заметил пятый подручный.

– И вновь неверно. – Я прошла мимо махари и приблизилась к Рахону, а затем обогнала и его. – Я знаю свои корни и не отрекаюсь от них. Я родилась в знатной семье и получила образование, отличное от образования, которое полагается девицам. Почему? Этого я не помню, но законодательство и право не входило в перечень дисциплин, которым обучают женщин. Я вспоминаю строки из книг, которые не читают женщины. Я знаю основы административного управления. Финансы, налогообложение, система образования – это всё мне знакомо не только в терминологии, но и на практике. Возможно, именно мои знания стали причиной того, что я покинула родной мир, или же мне помогли его покинуть. А может быть, было что-то еще.

Смутно, но я помню своих родителей. Я могу представить их издали, когда они гуляли по саду, но черты расплываются перед внутренним взором. Еще помню девушку, ее лицо я вижу ясно, но не могу вспомнить, кем она мне приходилась: сестрой или подругой. Как не могу вспомнить ни единого имени.

– А еще помнишь кого-нибудь? – спросил Рахон, и я обнаружила его с собой рядом.

Я рассеянно кивнула, вспомнив еще одного человека из прошлой жизни:

– Мужчину. У него черные волосы и голубые глаза. Я чувствую, что этот мужчина был связан со мной, но кто он и какова была связь, сказать не могу.

– Твой муж из того мира? – спросила Акмаль, и в ее голосе я снова уловила насмешку. Обернувшись, я поглядела на махари и усмехнулась:

– Нет, он мне не муж, это не знание, внутренняя уверенность. Мой единственный возлюбленный и муж перед богами – Танияр. Это я знаю точно, как знаю, что он дар Высших Сил, за который я не устану благодарить Создателя Белого мира. Лучшего мужчину и желать нельзя.

Акмаль фыркнула и посмотрела мимо меня. Зато у меня созрел новый вопрос, и я не стала отказывать себе в любопытстве:

– Махари, ты любишь своего мужа?

Она вновь поглядела на меня и ответила, разумеется, надменно:

– Кто ты, чтобы совать свой нос в мою душу?

Я остановилась и повернулась к ней лицом.

– А она у тебя есть? – уже без всякой улыбки спросила я и в ответ получила тяжелый взгляд исподлобья. – Бедная Белек. Сначала ее бросил отец, после мать. Да и нужна ли она тебе? Ты ведь была разочарована ее рождением. Не сын. Будь она сыном, тогда бы и дочери Эчиль не являлись бы для тебя помехой, но родилась дочь. В наследовании Архаму вы обе оказались бы последними, кого призвали править. Даже Танияр на случай гибели в войне с двумя каанами назвал своими наследниками старших племянниц.

– Замолчи, – глухо велела махари.

– О, сколько угодно, – легко отмахнулась я. – Твоя совесть – твое дело, если она у тебя, конечно, есть, как и душа. Мужа приворожила, дочь оставила врагам. Да, совести, пожалуй, тоже нет.

Я развернулась и направилась дальше, спрашивая себя, зачем ярю ее. Но эта женщина вызывала мою острую неприязнь, от которой никак не удавалось избавиться даже на время. Рахона, что удивительно, я выносила спокойно, хоть он уже дважды стал тем, кто лишил меня дома и близких мне людей. Однако с ним я могла говорить почти как с другом, а махари раз-

дражала всем, чем только можно было раздражать. Заносчивостью, самоуверенностью, тоном. Впрочем, наши чувства были взаимны, но ссориться сейчас было неразумно. Пятый подручный, конечно, защищал меня, однако мог и не углядеть.

– Махари!

Резкий окрик Рахона подтвердил мою последнюю мысль. Я обернулась и увидела, что он держит Акмаль за руку, явно поднятую для удара. И хорошо, что в этой руке не было палки, а то и ножа. Всего лишь кулак.

– Женщина благородного происхождения не унизит себя рукоприкладством, – все-таки не удержавшись, произнесла я. – Подобное – дурной тон, дорогая моя. И если уж ты претендуешь на право высокого рождения, то умей бить словами, а не кулаками.

– Ашити, – Рахон посмотрел на меня и укоризненно покачал головой. – Ты обещала вести себя благоразумно.

– О, – я взмахнула руками, – приношу глубочайшие извинения, если нанесла оскорбление. Обещаю впредь не задавать вопросов, которые могут задеть чужой тонкой души. Конфликт исчерпан? Мы можем продолжить путь?

– Можем, – чуть помедлив, ответил пятый подручный. Он немного помолчал, а после спросил: – Что за слова ты говорила? Я не всё понял.

– Приношу извинения и за это, – приложив ладонь к груди, я учтиво склонила голову. – Как долго нам предстоит идти?

– Боишься стереть ноги? – зло спросила махари.

Я пожала плечом:

– Любопытно.

– Меньше, чем ты можешь себе представить, – на губах Рахона появилась лукавая улыбка. – Мне кажется, ты все-таки испытываешь трепет.

Акмаль что-то фыркнула и, прибавив шаг, обошла нас с пятым подручным. Мы оба посмотрели ей вслед, а потом Рахон ушел вперед, и я вновь оказалась третьей в нашем строю. Обернувшись, я посмотрела на воина, он ответил полным равнодушием во взгляде. Мне захотелось спросить, где он скрывался на земле тагайни, однако мои мысли свернули в сторону, и я опять смотрела в затылок пятого подручного.

Мне вдруг стало интересно, почему в первый раз он повел меня по землям таганов, если есть более короткая дорога. Хотя... И вот еще что мне было непонятно: как эта дорога может быть короче, если мы, по сути, идем в противоположную сторону? Нет, правда. Эта мысль посещала меня и раньше, когда мы говорили с Танияром о Каменном лесе. Впрочем, я просто воспринимала его как возможную территорию илгизитов. Предполагала, что есть дорога, которая выведет из леса и протянется до гор, тем самым срезав путь, однако...

– Рахон, – позвала я.

– Пусть замолчит, – услышала я шипение махари.

Создатель, как же ей удавалось столько времени притворяться тихой скромницей, если сейчас она не в силах сдержать себя?! И поняла. Всё просто. Эти два с лишним года Акмаль шла к заветной цели. Ей было легко придерживаться выбранной роли, потому что верила в свой успех. А потом все надежды сгорели в мгновение ока и подернулись пеплом. И она даже не могла ни изменить что-либо, ни задержаться, и причиной тому была я. Моя дотошность, мое желание во всем разобраться, чтобы моему мужу ничего не угрожало. А может, и потому, что я занималась своим привычным делом, каким занималась и в прошлой жизни, потому и действовала уверенно. И всё это привело к тому, что сейчас дочь великого махира топчет Каменный лес, вместо того чтобы витать в радужных облаках будущего величия. Акмаль могла бы сдерживать себя, но не тогда, когда рядом был ее ненавистный враг. Мы не выносили друг друга. Только у меня хватало опыта скрыть это, а у нее нет.

– Твоему отцу не нужно ее молчание, – тихо ответил пятый подручный, но я расслышала и усмехнулась. – Пусть говорит. Мы должны стать друзьями.

– Она никогда не станет вам другом, – также тихо ответила Акмаль. – Она – наш враг.

– Сколько врагов теперь стали верными последователями Покровителя? – по-прежнему тихо спросил Рахон. – Она, как и другие, увидит его милость.

Я фыркнула про себя. Мне оказывает милость сам Белый Дух. Чем меня сможет поразить Илгиз? Но вслух я этого не сказала и даже вида не подала, что слышала их переговоры, которые закончились раздраженным ворчаньем махари. Однако требовать от меня молчания она перестала. Зато обернулся Рахон.

– О чем ты хотела спросить, Ашити?

– Почему в первый раз ты повез меня более долгой и опасной для вас дорогой?

– Хотел узнать тебя, – ответил илгизит. – Понять, кто ты такая. Еще хотел посмотреть, что ты станешь делать, когда тебя заберут от тех, кого ты знала. – Он чуть помолчал и добавил: – Мне нужно было знать, кого я везу великому махиру.

Удивленно приподняв брови, я хмыкнула и прибавила шаг. Нагнав пятого подручного, я пристроилась с той стороны, где не было махари, и спросила:

– Что ты хочешь этим сказать? Разве не он отправил тебя за мной? Ты говорил...

– Я не обманывал тебя. – Рахон поправил сумку на своем плече. – Алтаах почувствовал твоё появление и велел отыскать того, кто прошел сквозь пелену миров. Он указал искать в таганах, подручные разъехались. Покровитель был милостив, и я первым узнал, где ты...

Мотнув головой, я остановила его:

– Постой. Ты говорил, что он велел тебе ехать в Зеленые земли и забрать меня.

Пятый подручный смерил меня непроницаемым взглядом и вздохнул:

– Какая же ты любопытная, Ашити. Откуда в тебе столько вопросов?

Вместо ответа на его вопрос я задала свой собственный:

– Я всего лишь хочу разобраться, потому что сейчас я ощущаю, что ты водил меня за нос... или водишь. Я отлично помню, что ты тогда говорил. А говорил ты, что известия о том, где я нахожусь, пришли в горы, и тогда махир отправил тебя. Однако я вижу, что всё было иначе, и хочу узнать правду. Ты приехал за мной в Зеленые земли?

– Нет, – усмехнувшись, сказал Рахон. – Я приехал после праздника лета и узнал, что шаманка привела полукровку пагчи. А потом ты сама сказала, что пришла из другого мира. Когда увидел, что ты уехала из тагана только с одним ягиром...

– Ты понял, что пора действовать, – кивнула я. – Махир не знал, что я в Зеленых землях. Это ты решил выслужиться. – Заметив непонимающий взгляд, я пояснила: – Ты решил привезти меня, чтобы получить одобрение.

– Выполнил повеление, – улыбнулся Рахон и повторил: – Покровитель был милостив.

Вот и еще одна часть мозаики легла на свое место. Спрашивать, зачем он соврал, не стала. В общем-то, понимала, что просто хотел добавить значимости великому махиру и всей шпионской сети илгизитов. И проверял, чего я стою. Любопытно, а если бы я показалась ему бесполезной, довез бы до Алтааха или же «потерял» где-нибудь по дороге? А может, просто хотел не только преподнести «дар», но и дать полный отчет по моей персоне, а заодно показать, чего стоит сам, – выслужиться, как я и сказала. Ничего таинственного.

А еще через несколько шагов я остановилась и нахмурилась. Ну, хорошо. Хазма подстроила убийство настоящих Хенар и Мейлик, забрала их сундук с готовой одеждой, чтобы выдать за свою работу, а потом они с Акмаль явились в Зеленые земли с выдуманной, но вполне себе достоверной легендой. Проверять их никто не собирался, поверили на слово. С этим всё понятно, как и с целью появления – выйти замуж за каана, пока место последней жены не занято. И это успешно провернули. Под действием чар или же сам, но Архам прикипел к махари. Она все-таки стала его любимой женщиной. И всё это даже в чем-то замечательно, но!

– А как же Селек? – спросила я и поняла, что оказалась последней.

Воин успел меня обойти и отдалиться шагов на десять. Рахон и Акмаль оказались еще дальше. Однако на мой вопрос пятый подручный обернулся и обнаружил, что я отстала.

– Ашити, тебе не стоит оставаться одной, – строго сказал он и бросил сердитый взгляд на воина.

Отреагировал тот как-то или нет, я не видела, потому что продолжала любоваться на его спину. Впрочем, и стоять на месте не стала. Быстро нагнав своих спутников, я повторила вопрос:

– Так что же Селек? По всему выходит, что вам от нее проку не было, кроме того, что она мужа убила и посадила сына на место каана в обход старшего брата. Однако, насколько я наслышана, женитьбе на Мейлик она противилась. И, как понимаю, она желала, чтобы третьей женой Архама стала Саулык – дочь Елгана. Я бы даже подумала, что ошиблась на ее счет, если бы мать и сын не ушли с тобой, Рахон. Так какова же роль Селек... Кто она в вашей задумке?

– Дура заносчивая, – неожиданно подала голос Акмаль. – Себе на уме. Добра не помнит, долгов отдавать не желает, но для себя блага требует.

– Ого, – откликнулась я. – Как любопытно. То есть старая каанша берет, ничего не отдавая взамен?

Рахон и Акмаль поглядели на меня одинаковым чуть изумленным взглядом и одновременно усмехнулись. Ясно, никто Селек спрашивать не собирался. Их вполне устраивало, что она делает.

– Но не сама же она придумала объединить таганы! – воскликнула я. – Селек, конечно, коварна, но она воспитана в традициях тагайни. И я точно могу сказать, что в них немало скрытых талантов, но для их развития нужен толчок. Вот тогда они могут изумить. Однако до Каменного леса первая жена Вазама не проявила особой изобретательности. Она пользовалась мягкосердечием Эйшен, которая могла прекратить все издевательства одним словом, но жалела Селек, чем та и воспользовалась. Однако была примитивна в желании избавиться от соперницы – отравила ее и себя же подставила под удар. А вот после того, как сумела выбраться из Каменного леса, она становится более изощренной. Ее действия осторожны и продуманны. Значит, ей помогли узреть иные пути.

И в этот момент илгизиты остановились, я, увлеченная рассуждениями, шагнула дальше и... не ощутила опоры. Я вскрикнула, но Рахон ухватил меня за локоть и рывком оттянул назад. Я машинально прижалась к пятому подручному, и он накрыл мою талию ладонью. В своем ошеломлении я на это внимания не обратила. Мое сердце бешено колотилось в груди от перенесенного испуга. И, едва выдохнув, я в великом изумлении посмотрела на... пропасть, разверзшуюся посреди Каменного леса.

Клянусь! Пока мы шли, я четко видела впереди прежний пейзаж: земля, покрытая засохшей травой и опавшими листьями, видела кривые тонкие деревья и даже очередное болото. Оно было всего шагах в двадцати, мы просто до него еще не дошли. И вдруг обрыв! Но ведь его и вправду не было...

– Иллюзия? – нахмурилась я.

А затем, наконец ощутив поддержку Рахона, с негодованием посмотрела на руку, обнимавшую меня, и скинула ее. Сделав небольшой шаг, я остановилась на самой кромке обрыва и посмотрела вниз... Боги! У меня закружилась голова от неимоверной глубины той бездны, над которой мы замерли. А на дне, озаряя оранжевыми отсветами каменные стены, текла огненная река – лава. Я даже вытянула ногу и с великой осторожностью спустила ее с края обрыва и не ощутила земной тверди.

И в этот момент пятый подручный снова обнял меня за талию, прижал к себе и, предупреждая мое возмущение, произнес:

– Скоро отпущу.

А затем... Затем он уверенно шагнул в бездну. Визгнув, я зажмурилась что есть сил. Я ожидала падения, ужасной боли, смерти в муках или же, напротив, быстрой и милосердной. Но услышала веселый смех, мужской смех. А когда открыла глаза, то с еще большим изумлением увидела, что смеется Рахон. После до меня донесся смешок Акмаль, и я наконец огляделась.

Мы летели! Клянусь вам, летели! Точнее, летел пятый подручный и нес нас с махари. Ее он тоже прижал к себе. Обернувшись, я увидела, что молчаливый илгизит, раскинув руки, летит за нами следом, сам. И в этот момент я поняла, что хочу знать, кто же он такой, потому что больше не казался мне простым воином. А потом я опустила взгляд вниз.

Бездна перестала казаться мне бездной, теперь я видела до боли знакомые каменные столбы, но тянувшиеся со дна пропасти. А приглядевшись, я поняла, что полет не совсем полет. Движения Рахона напоминали скольжение по льду, но скользил он по воздуху... или не по воздуху. Исследовательский интерес оказался сильнее потрясения и восторга, который я все-таки испытала. И, устремив взгляд нам под ноги, я начала внимательно наблюдать.

– Как интересно, – пробормотала я.

Я успела заметить легкое колебание воздуха, когда Рахон оттолкнулся в очередной раз, обернулась и увидела едва приметную мерцающую дорожку, таявшую на глазах, – след, оставленный пятым подручным. Затем появился следующий росчерк, когда он оттолкнулся второй ногой, растаял, и появился новый.

– Значит, здесь такой же купол, как и над столбами в лесу, верно? – спросила я, подводя итог своим наблюдениям. – Расскажи об этой части леса, Рахон, я хочу понять.

– Что ты хочешь понять, Ашити? – посмотрев на меня, спросил илгизит.

– Что это была за пропасть? Она существует или только кажется? Если кто-то, кто не знает о ней, пойдет в этом месте...

– Он пройдет дальше, – ответил пятый подручный. – Только тем, кто одарен особой милостью Покровителя, открывается этот проход.

– М-м, – помычала я. – То есть магам, так? Это что-то вроде пространственного перехода, который и приведет нас к концу пути, верно?

– Не понимаю, – отозвался Рахон. – Поясни.

– Я хотела сказать, тем, в ком есть дар. Например, мы с Акмаль не сможем открыть этот путь и пройти по нему, так?

– Да, – кивнул пятый подручный, и я снова бросила взгляд себе за спину, где скользил третий илгизит.

– Этот проход сокращает путь и приведет нас к горам, – уверенно продолжила я. – Он скрадывает пространство.

– Можно и так сказать, – улыбнулся Рахон. – Но это еще не конец пути.

– Хорошо, – кивнула я, вновь погружаясь в размышления.

Выходит, если бы Танияр бросился в погоню, то найти место нашей ночной стоянки было бы не так просто. Все-таки следопыты, которые шли за Архамом и Селек, застряли на болотах и были вынуждены вернуться обратно. Скорее всего, погоню за илгизитами ожидала бы та же участь. Но даже если бы они и прошли болота и нашли место стоянки, то здесь безнадежно нас потеряли, потому что мы попросту исчезли в пространстве. Если бы я уже не решила идти в горы добровольно, то сейчас была бы вынуждена смириться со своим похищением. Но!

Но есть во всем этом и положительный момент – я узнала еще одну тайну поклонников Илгиза. Им подвластны такие вот перемещения, но лишь там, где проложил им дорогу их покровитель. И как бы невероятно это ни выглядело, но моя мама может сокращать расстояния в любом направлении, если того требует ситуация. А значит... Нет, не поразил меня Рахон. Да, признаюсь, это было волнительно, интересно и познавательно, но с истинного пути не сбило. Илгиз, может, и щедрее Белого Духа в желании заполучить человеческие души, но не могущественнее своего старшего брата. И я умиротворенно вздохнула.

Пятый подручный поглядывал на меня, я видела это краем глаза. Теперь его взгляд не был веселым, он снова стал испытующим. Рахон ждал, и я понимала, чего он ожидает, но не спешила дать ему это. Даже зевнула, прикрывшись тыльной стороной ладони. Действие это было фальшивым и нарочитым, но вынудило илгизита нахмуриться, и он все-таки спросил:

– Неужели и это не вызывает в тебе трепета? Я видел, как загорелись твои глаза поначалу, но сейчас я вижу, что тебе больше не любопытно. Почему?

– Я пришла из мира, где есть магия, – ответила я, пожав плечами. – Я не помню людей и событий, связанных со мной, но про магию помню... Про возможности одаренных необыкновенной силой. Они могут открывать порталы... переходы сквозь пространство и в другие миры. Могут также управлять сознанием, могут создавать иллюзии... то, что не существует, но мы это видим. И не только это. А когда-то могли и летать. Но, кроме того, в этом мире моя названная мать – шаман, а она может очень и очень многое. Например, сокращать свой путь. А мы сейчас это и делаем. Так что, да, в первые минуты я была потрясена, испытала восторг, но, разобравшись, приняла как данность. – И закончила, похлопав ресничками: – Что-то не так, Рахон?

Он фыркнул и отвернулся. А потом рука его ослабла, и я, соскользнув ниже, не ощутила под ногами опоры. Охнув, я вцепилась в илгизита сама. Подняла на него сердитый взгляд и увидела ответную умиротворенную улыбку.

– Мелкая месть не делает честь мужчине, – назидательно произнесла я, когда пятый подручный подтянул меня в прежнее положение. – Особенно сильному мужчине, тем более месть слабой женщине.

Рахон одарил меня непроницаемым взглядом, поджал губы и больше в мою сторону не оборачивался, явно утратив удовольствие от своей выходки. Хватка его стала чуть сильнее, и я вернула себе право улыбаться с умиротворением. А потом бездна закончилась, и мы шагнули на твердую каменистую почву. Я увидела вдали вершины гор и поняла, что между мной и Танияром теперь лежит множество таганов и долгий путь. Ничего, с этим я разберусь, когда придет время. Белый Дух меня не оставит.

Глава 3

И вновь мы шли. Теперь ничто не мешало солнцу обрушить на нас свои лучи, и оно не скупилось. Там, где мы оказались, деревьев не было. Открытая равнина, покрытая сухой колючей травой. Несколько кустарников, чьи листья больше напоминали иголки, попадались время от времени, но они были низкими и никакой тени не давали. А еще на их ветках были острые наросты вроде шипов и крупные черные ягоды.

Меня уже некоторое время мучили голод и жажда, и я потянулась к одной такой ягоде, надеясь не столько перекусить, сколько на сок, чтобы промочить горло. Но успела лишь сорвать, когда по руке меня шлепнули. Вышло это звонко, совсем не больно, но очень обидно. Я в негодовании вскинула взгляд на того, кто осмелился бить по рукам саму дайнани Айдыгера, и встретила с ответным недовольным взглядом третьего илгизита.

– Съешь – умрешь, – коротко сказал он и зашагал дальше.

– Это можно было донести словами, – проворчала я, провожая его взглядом.

После еще раз посмотрела на куст, укоризненно покачала головой и направилась к Рахону, единственному, кто ждал меня. Акмаль теперь шла впереди, и я сделала вывод, что здесь нам опасаться нечего, кроме зловредных ягод, разумеется.

– Кто он? – указала я взглядом на молчаливого илгизита.

– Мой ученик, – ответил пятый подручный. – Эмселах.

– Он тоже всё это время был в Иртэгене? Он мне незнаком.

– Нет, он пришел со мной недавно.

– Понятно, – кивнула я. – Долго нам еще идти?

– Устала? – заботливо спросил илгизит.

– Не отказалась бы присесть, – скрывать усталость я смысла не видела.

– Дойдем до гор и там отдохнем. Здесь небезопасно.

Я устремила на Рахона вопросительный взгляд, и он пояснил:

– Здесь обитают нэри. – Вопрос из моих глаз не исчез. Я об этих тварях еще не слышала. – Вон гляди, – пятый подручный указал пальцем влево. – Видишь?

Я пригляделась и, пока шла, продолжала смотреть, но ничего не видела, кроме серого камня. Таких тут было немало. После снова подняла взгляд на Рахона.

– Это не камни, это нэри, – сказал он. – Ждут. Нэри очень медленные, они не нападают, если добыча движется, но если остановится...

Рахон многозначительно замолчал, и я кивнула, соглашаясь, что привал нам стоит сделать в ином месте. Илгизит усмехнулся. Мы некоторое время шли в молчании. Теперь я часто озиралась по сторонам, пытаясь получше рассмотреть таинственных, медлительных, но опасных нэри, с которыми не желал связываться даже пятый подручный великого махира.

– Постой, – заговорила я, выворачиваясь на очередной «камень». – Ты же вроде маг. Почему не можешь уничтожить их или выставить защиту? Что вообще ты можешь, кроме как дурить людям голову и кататься по защитному пологу?

– Многое могу, – ответил Рахон. – Но убивать нэри не могу. И защититься от них тоже.

– Почему?

– В нас одна сила, – сказал илгизит, и я задумалась.

Существа магические? Тогда почему высиживают в засаде, когда могут охотиться иначе? Или... Я опять поглядела на Рахона, обернулась назад, думая о Каменном лесе. Его за спиной, кстати, не было. Когда мы спустились на землю, Каменный лес даже вдали не был приметен, он остался рядом с Айдыгером. Однако мысль моя сейчас была связана с ним, и я высказала предположение:

– Нэри создал Илгиз?

- Да, – последовал короткий ответ.
- То есть им твоя защита не помеха?
- Да.
- А убить?
- Мы не уничтожаем созданий Покровителя.
- Пф, – фыркнула я. – Зато они вас убивают.
- Пока мы идем – нет, – невозмутимо произнес пятый подручный, а я усмехнулась.

И мы снова замолчали. Устремив взгляд на небо, я попыталась прикинуть, сколько сейчас времени, но поняла лишь, что уже давно за полдень, даже, наверное, ближе к вечеру, а значит, в пути мы уже давно. Протяжно вздохнув, я облизала пересохшие губы. Во мне горело, казалось, всё: горло, лицо, ноги. Присесть хотелось неимоверно, но о нэри я уже знала, потому о привале не заговаривала.

– Держи, – Рахон протянул мне флягу. – Воды у нас немного, а до источника еще далеко, – ответил он на мое невысказанное негодование. – Пей, но не больше глотка.

– Потерплю, – буркнула я, вдруг обидевшись на жадность илгизита.

Обида эта была рождена усталостью, но тем не менее губы я надула и отвернулась, гордо вздернув подбородок. Пятый подручный усмехнулся и... убрал флягу. Уговаривать меня никто не собирался, а я не стала выпрашивать. Дочь Ашит не опустится до того, чтобы кланчить воду у илгизитов. Так-то.

Впрочем, обижалась я и задирала нос недолго. Вскоре я вновь преисполнилась исследовательского интереса и завертела головой, пытаясь отыскать еще какие-нибудь признаки жизни, кроме ядовитых ягод и медлительных «камней».

– Есть тут еще кто-то, кроме нэри? – спросила я, нарушив молчание. – Или это единственные живые твари? И как называется это место?

– Иссыллык, – ответил Рахон.

– Это...

– Так называется это место, – пояснил илгизит.

Жаровня? Очень близко по смыслу, и вправду уже впору покрыться румяной корочкой.

– А твари?

– Ты еще есть, – донесся до нас голос Акмаль.

– О, прошу извинения, махари, – отозвалась я. – Совсем забыла о том, что и ты тоже здесь есть.

Она обернулась, сверкнула злым взглядом и направилась дальше. Я усмехнулась. Акмаль тоже устала и была раздражена, и на кого же излить свое недовольство? На меня, потому как я и без того ее нервирую. Значит, в Иссыллык обитают нэри и две ядовитые гадуки, очень миленькое местечко.

Не знаю, подумал ли Рахон о том же, о чем и я, но едва слышное хмыканье я все-таки расслышала, но оставила без внимания. Яда во мне сейчас было не так много, подусох под палящим солнцем. Вздохнув, я вновь облизала губы, и передо мной появилась фляга. В этот раз я не стала упрячиться и в молчании приняла предложенную воду. Сделав глоток, я некоторое время перекачивала живительную влагу во рту, затем проглотила и с сожалением закрыла флягу. Однако горлу стало легче.

– Благодарю, – сказала я. Рахон чуть склонил голову, отвечая любезностью на любезность.

К скалам мы добрались, когда уже сгущались сумерки. Итак, первые сутки вдали от мужа прошли, начались вторые. Впрочем, именно об этом я подумала лишь мельком, потому что всё мое существо стремилось к одному – упасть и не двигаться еще пару суток.

– Еще немного, – сказал Рахон, который поддерживал меня уже не менее пары последних часов.

Я висела на нем и даже не думала возмущаться и бить по рукам. Такое положение сейчас было самым приемлемым. Разговоры? К Илгизу разговоры! Рот я вообще уже давно не открывала, а если и открывала, то только для того, чтобы сцедить ругательство на родном языке. Брань была площадной, потому произносить ее так, чтобы поняли остальные, я не стала. Правила хорошего тона были со мной, тут я оказалась бессильна. Преодолеть себя оказалось невозможно. Похоже, когда-то их не просто вложили в меня, но вбили, подобно сваям.

Что до размышлений, то они меня покинули вслед за желанием задавать вопросы. Единственное, о чем я могла думать, так это о вожделенном привале, а потом перестала думать и о нем. Сил даже на это уже не осталось. А моя ненависть к илгизитам возросла до небес, став не просто лютой, но всепоглощающей. Впрочем, выразить ее тоже не было сил, и я ненавидела их тихо и незаметно, продолжая висеть на плече пятого подручного.

Акмаль ни на ком не висела, она пошатывалась где-то впереди. Следом за ней шел ученик Рахона – Эмселах, в нем следы усталости были незаметны, хоть я и видела только спину. Да и моя опора не пыхтел и не страдал в отличие от меня. По всему выходило, что самой изнеженной тут была я, но по этому поводу я не переживала. Мне это полагалось по статусу. Был бы рядом Танияр, я бы, может, и преисполнилась бравадой, желая показать ему, что сильна и духом, и телом, и вообще достойна моего восхитительного мужа. А пускать пыль в глаза илгизитам не видела смысла. Я с ними идти не напрашивалась, сами украл.

А потом мы полезли наверх. Поднявшись по узкой тропе, я остановила на Рахоне рассеянный взгляд, а затем призналась от всего сердца:

– Лучше бы вы мне шею свернули, чем так издеваться.

– Это всегда можно сделать, – легко отмахнулся илгизит. – Но не сейчас.

– Негодяй, – буркнула я и уселась, не спеша продолжить подъем. Откинувшись спиной на скалу, я протянула с неимоверным облегчением: – Боги, как же это восхитительно...

Надо мной послышался протяжный стон, а затем пятый подручный повернулся ко мне спиной и присел:

– Забирайся, я тебя донесу.

Я одарила его спину ненавидящим взглядом. После произнесла еще несколько скабрешных ругательств на родном языке, а затем заставила себя встать. Но... не буду кривить душой, ехать на спине илгизита было даже лучше, чем висеть на нем. И если бы не подъем по тропе, не становившейся шире, я бы, наверное, даже уснула. А так следила за тем, чтобы мой скакун не слишком приближался к краю.

Еще чуть погода наша тропа вывела нас на другой склон скалы, а еще спустя пару минут Эмселах зажег факел и помахал им:

– Сюда.

– Пришли, – оповестил меня Рахон. Перед нами был широкий грот. – Пагчи здесь нет, – усмехнулся илгизит, напомнив о моем побеге в первое похищение.

– Очень жаль, – равнодушно отозвалась я больше для порядка, чем сожалея на самом деле.

Сейчас мне бежать совсем не хотелось. Ни бежать, ни идти, ни ползти, ни даже ехать на чьей-либо спине. Желание было остановиться и уже никуда и никогда не двигаться. И до воплощения этой мечты осталось всего несколько шагов. А что самое невероятное, осознание этого оказалось подобно второму дыханию.

– Иди скорей, Рахон, – потребовала я, заерзав на илгизите. – Ну же.

Он ничего не ответил и в шаг не прибавил. А войдя в грот, стряхнул меня на каменный пол. После протяжно выдохнул и утер лоб.

– Ты казалась мне легкой, как пушинка, – не глядя на меня, но обвиняюще произнес неучтивый илгизит.

– Это и отличает воина от ученого, – потирая спину, которой проехала по каменной стене, ответила я. – В тебе нет силы, Рахон.

– Ты забрала последнюю, – ответил пятый подручный.

Я промолчала. Моего убеждения он не поколебал, а доказывать истинность своего мнения было лень. И я устроилась на небольшом выступе, удачно заменившем мне стул. После откинувшись на стену грота, уперлась в нее затылком и закрыла глаза, но лишь на минуту, потому что тут же родился вопрос:

– Эмселах, где ты взял факел? Твоя сума не могла бы его скрыть...

– Здесь, – ответил илгизит и указал на вход.

Там лежало еще несколько заготовленных факелов. Хмыкнув, я уже собралась снова закрыть глаза, но передумала – стало интересно, что еще у них лежит в гроте, который явно был обычным местом остановки. Оказалось, что здесь есть хворост, несколько тюфяков, даже глиняная посуда и котелок, а к нему мешки с припасами. Маленькие, чтобы провизия не пропала, простояв долго без надобности. Я оценила удобство и предусмотрительность последователей Илгиза. Впрочем, и не впечатлилась. Если бы здесь пришлось жить тагайни, они бы сумели обустроиться не хуже.

Вскоре посреди грота был разведен костерок, нам с Акмаль притащили тюфяки, а мужчины занялись нашим ужином. Это было справедливо уже хотя бы потому, что выглядели они лучше нас с махари. Ну и мы были все-таки важными персонами. В эту минуту я была по-настоящему счастлива, что существует такая замечательная вещь, как неравенство. Дайнани и махари возлежали на соломе, подручный и ученик о них заботились. Всё так, как и должно быть.

– Ты права, – неожиданно произнесла Акмаль, и я подняла на нее изумленный взгляд. – Селек поумнела не сама.

И если до этих слов я лежала, подложив под щеку локоть, то, услышав, о чем хочет говорить махари, села и приготовилась внимать. Она заметила мой интерес, усмехнулась и откинулась на каменную стену. Лицо Акмаль скрыл сумрак, но я видела, как поблескивают в темноте ее глаза, а потом этот едва различимый блеск исчез – она прикрыла веки.

– Она не должна была вернуться, – снова заговорила махари. – Урунжан приговорил Селек. Она забрела в болота, и там ее поймал ползун...

– Ползун?

– Один из детей нашего Покровителя, – ответил мне Рахон, присевший перед костром.

До меня донесся звук наливаемой воды. Тут же вспомнились слова об источнике, и я повернула голову на звук. Тут источника не было, только бурдюк, откуда Эмселах наливал воду в котелок. После откинул его, и я поняла, что бурдюк опустел. Если иной воды не имелось, то смысл беречь питье во фляге стал снова понятен.

– И что же было дальше? – вернув свое внимание Акмаль, спросила я.

– Седьмой подручный отца – Кашым спас ее, – ответила та. – Он отогнал ползуна и вытащил Селек из болота. Она соврала, что заблудилась, и хотела уйти, но Кашым не отпустил. Он заглянул ей в глаза и увидел, что привело Селек в Каменный лес. Тогда он сказал, что не смеет мешать суду Урунжана, но может предложить помощь Покровителя. Селек была согласна на всё. Так она смогла вернуться к Вазаму.

– А смерть Вазамы и захват власти в тагане?

– Это было потом, – снова встрял Рахон. – В тот раз Кашым повязал ее клятвой на крови.

– Она услышала, что ей помогут получить власть, и этого хватило верной дочери Белого Духа, чтобы повернуться к нему спиной, – усмехнулась Акмаль.

– Так кто научил ее тому, что надо делать? – снова спросила я.

– Прислужник Кашыма, – ответила махари. – Седьмой подручный говорил с моим отцом, рассказал, кого затянул в свои сети, и махир научил, что надо делать. Я как раз родилась, и он

понял, какая судьба ожидает его дочь, – на этой фразе голос Акмаль наполнился гордостью, так что пояснять о судьбе не было смысла.

– Выходит, ей пришлось ждать несколько лет после того, как указали путь, – заметила я. – И всё это время она была под замком и удерживала рядом сына, чем отдалила его от отца и брата.

– Я не знаю, как она заставила Архама быть с ней рядом, – сказала Акмаль. – Я спрашивала, он не сказал. И когда я жаловалась на его мать, ругал меня. Просил жить с ней в ладу, потому что будет на ее стороне, и тогда мы с ним поссоримся. А она наглая! – рывкнула махари и замолчала.

Мне представилось, как скрежетала зубами Акмаль, когда смотрела на самодовольную физиономию свекрови. А ту карикатуру, которую Селек называла картиной, наверное, раз тысячу мысленно надела ей на голову. Признаться, я бы сделала то же самое. Старшая каанша была невыносима. Впрочем, как и махари. Но с последней у нас, похоже, пока восстановился временный нейтралитет.

Рахон, присевший прямо на каменный пол, подкинул хворост в огонь и устало потер лицо.

– Селек уверилась в своих силах, – сказал он. – Она говорила, что всё сделала сама. И добьется большего тоже сама. Только когда Танияр вернул себе чelyк и Архам помог матери сбежать, ее песни изменились.

– Архам оказался хитрей брата, – произнесла Акмаль.

Я никак не отреагировала на ее слова. Пусть думают что хотят. То, что Танияр позволил брату сбежать, илгизитам знать было лишним. Меня вполне устраивала их откровенность. Впрочем, ничего нового они мне не открывали, лишь подтверждали то, о чем мы и так уже догадались сами, и вносили уточнения. Поглядим, как будут откровенны в ответах на другие вопросы.

– Вы приняли ее только из-за Архама, – уверенно произнесла я. – Селек вам не нужна. Только ее сын имеет значение, только он еще может стать наследником своему брату. Он – тагайни, он – сын Вазама, и он – муж махари.

Беда лишь в том, что уже нет тагана Зеленые земли, который он мог наследовать. Нет Белого камня, который мог принять как муж Эчиль. И нет Песчаной косы, который мог заполучить, если бы Танияр женился на Саулык и умер, не оставив наследника. Ничего этого уже не существовало, зато появился дайнат Айдыгер, где правил род Танияра – дайн и его потомки, но не брат. И если бы Белому Духу было угодно забрать моего возлюбленного в Белую долину до появления у него детей, то Архам не смог бы занять место брата. На трон Айдыгера, который обязательно появится, сможет претендовать любой, на кого укажет шаман. И никак иначе.

Всё, на что могут рассчитывать илгизиты, – это захватить юное государство и посадить там своего ставленника. Архам предпочтительнее остальных, потому что он тагайни, свой. Только вот не примут его люди, потому что сбежал с приговоренной убийцей своего отца к отступникам. Но и этого я говорить не стала. Пусть верят, во что хотят, я свои знания оставляю при себе.

– Однажды мы вернемся туда, и всё станет так, как было predetermined, – произнесла Акмаль с ноткой мрачноватой уверенности.

– На всё воля Создателя, – пожала я плечами.

– Урунжан и его слабые дети ничто перед нами и нашим Покровителем, – с вернувшейся заносчивостью ответила махари.

– Блажен, кто живет сладкими грезами, – произнесла я на родном языке. – Но слеп он, ибо не зрит истины.

– Что ты сказала, Ашити? – спросил Рахон.

– Говорю, что каждый имеет право верить в то, во что хочет, – искадила я смысл всплывшего в памяти высказывания и сменила тему: – Рахон, ты вернешь мне мои украшения?

– Ты получишь много украшений, – ответил пятый подручный.

– Я хочу свои.

– Твои я выбросил еще ночью, – сказал илгизит и подтолкнул ко мне свою сумку.

Я не стала противиться и проверила ее. Украшений и вправду не было, жаль. О «Дыхании Белого Духа» я не переживала, верила, что Отец вернет мне его, когда придет время. А вот филям и серьги были одни из моих любимых. Их мне подарил Танияр.

– Жаль, я их любила, – произнесла я вслух часть своих мыслей и вернула сумку Рахону.

– У тебя будут еще лучше, – заверил он. – И одежда.

Я не ответила. Признаться, мне было безразлично, как они собираются меня нарядить, хоть в платье служанки, лишь бы однажды вернуться домой. На этой мысли я протяжно вздохнула и поднялась на ноги. Чуть покачиваясь от усталости, добрела до входа в грот, тут привалилась плечом к стене и застыла, глядя на ночное небо. Мне было тоскливо. А еще я скучала. И при воспоминании о том, как муж дарил мне потерянные украшения, тоска, притаившаяся за усталостью, дала знать себя в полной мере.

– Скоро я увижусь с Архамом, – с мечтательными нотками произнесла Акмаль, будто в пику моим чувствам.

Я поджала губы, злясь на нее за скорую радость, но вдруг расслабилась и обернулась. А затем и вовсе вернулась на свое место и поглядела на махари.

– Значит, Архам тебе дорог? – спросила я. – Ты смогла полюбить его?

Акмаль вновь не спешила ответить. Я не стала настаивать. Перевела взгляд на огонь и некоторое время следила за тем, как язычки пламени лижут дно котелка, в котором закипало варево Эмселаха. Рахон, похоже, тоже решил воздать должное неравенству и беззастенчиво пользовался положением учителя, отдав всю заботу о нас троих в руки своего ученика.

– Архам был нежен со мной, – неожиданно заговорила Акмаль. – Он красив, и мне нравилось смотреть на него. Когда я ехала в Зеленые земли, то была готова исполнить, что предназначено. Но когда увидела его, поняла, что муж, указанный отцом, мне нравится. Мы неплохо жили. Если бы не его мать, то и совсем было бы хорошо. А когда он ушел, я сначала сильно разозлилась. Он ведь только и сказал, что однажды мы снова будем вместе, чтобы не таила обиду и простила его. Поцеловал и ушел, и больше я его не видела. Когда узнала, что сбежал с матерью и бросил меня, а бы сама могла убить его, так силен был гнев. Потом узнала, что Селек попросила помощи и их забрали в горы, успокоилась. И тогда я начала скучать по нему. Тут я не обманывала. – Махари снова ненадолго замолчала, а потом закончила: – Да, я смогла его полюбить. И скоро мы снова будем вместе.

– А дочь?

– Дочь нас дождется, – несколько резко ответила Акмаль. – Танияр не оставит Белек.

– Не оставит, – согласилась я.

Спрашивать, почему махари не забрала дочь с собой, не стала. И бежать с ребенком на руках неудобно, и эта дорога не для маленькой девочки. Каменный лес, Иссыллык, этот грот. Так что осуждать мать, которая оставила дочь на знакомом ей подворье, где позаботятся и дядя, и первая жена, и прислуга, смысла не имело. И я не осуждала. Только снова подумала, что мы вырастим младшую дочь Архама достойной дочерью Белого Духа. Белек была в надежных руках. Но и этого я, разумеется, говорить не стала, как всё остальное, о чем успела промолчать.

– Не хочу есть, – вдруг произнесла Акмаль и, улегшись на своем тюфяке, повернулась ко всем спиной.

Рахон перевел взгляд на меня. Я прислушалась к себе. Усталость была невероятной, и голода за ней я тоже особо не ощущала, но решила, что подкрепить потраченные за долгий день силы не помешает.

– Я буду, – ответила я на невысказанный вопрос илгизита.

Он кивнул в ответ и больше на меня, кажется, внимания не обращал. И пока до меня никому не было дела, я вернулась к входу в грот и застыла тут, продолжая вглядываться во тьму. Я видела черные силуэты скал впереди, чьи верхушки упирались в звездное небо, и старалась не думать о том, что завтра мы пойдем через них. Переход должен был быть трудным и тяжелым... Впрочем, этот путь был мне неизвестен, может, всё не так и плохо.

Но об этом я узнаю завтра, а сейчас, закрыв глаза, мысленно перенеслась на благословенную землю Айдыгера, где шумели зеленые леса. Где луга были покрыты сочной травой и цветами, где несла свои воды серебристая Куншале, и где остались близкие и ставшие дорогами мне люди. Но главное, там осталась моя душа, и она витала сейчас рядом с мужчиной, для которого билось мое сердце.

Как он там? Что делает в эту минуту? Тоскует ли по мне так же сильно, как я по нему? Наверное, да. Наши чувства созвучны друг другу. Но в чем еще я была уверена, так это в том, что миновавший день был прожит моим супругом не впустую. Получив от меня неизвестные в уравнение, дайн уже приступил к его решению. И каким путем пойдет ясный разум Танияра, я не бралась сказать. Ему не требовалось подсказок и наставлений, всё это наш правитель получил еще в период обучения. Теперь же стремительно двигался вперед, освобождая скрытое в нем, что было недоступно многим в Белом мире из-за закоснелости убеждений. Дайн Айдыгера шел собственным путем, и я была счастлива идти рядом с ним, быть соратником, помощником, другом, а главное, любящей его женщиной.

– Однажды я вернусь к тебе, – прошептала я, открыв глаза. – Однажды мы соединимся, и уже никогда наши пути не разойдутся. Танияр...

– Ашити.

Вздвогнув от неожиданности, я обернулась и увидела Эмселаха. Он стоял за моей спиной и держал в руке миску с варевом. После протянул ее мне и, не дожидаясь какого-либо ответа, развернулся и ушел к костру. Я посмотрела на глиняную миску в своих руках, усмехнулась и последовала за учеником пятого подручного.

Акмаль, казалось решившая спать, уже ела. Она подвинулась ближе к огню, скрестила ноги и сосредоточенно работала ложкой, глядя в свою миску. Разговаривать она, похоже, была не настроена. Впрочем, никто и не заговаривал с махари. Рахон ел свою порцию, Эмселах, взяв свою миску, отошел в тень и устроился там. Я присела на тюфяк, зеркально отобразила позу Акмаль и принялась за ужин.

– Завтра дорога будет лучше, – неожиданно заговорил Рахон. – Во второй половине дня мы придем в Дэрбинэ, там переночуем, а следующим утром отправимся в Даас.

– Почему не завтра?

– Если завтра пойдем, то подниматься придется в темноте. Опасно, – ответил пятый подручный.

– Понятно, – кивнула я и продолжила трапезу.

И снова его дар бессилен. И вроде бы родные места, дорога, известная до мелочей, но идти опасно. Очередные жуткие создания Илгиза, которых нельзя трогать? Хотя... Это же путь в самое сердце Дэрбинэ, в вотчину великого махира. Возможно, подъем в этот каменный город и вправду сделан настолько неприступным, что даже свои не могут пройти по нему, когда им заблагорассудится. Даже любопытно увидеть этого «патриарха» и оценить его возможности. Впрочем, поглядеть было интересно не только на каменный Даас, но и на поселения на равнине Дэрбинэ, как и на столицу илгизитов с тем же названием. Но только в целях расширения кругозора и не больше.

– Наелась, – ни на кого не глядя, произнесла Акмаль, вырвав меня из размышлений. – Буду спать.

– Не оставит тебя своей милостью Покровитель, – ответил ей Рахон.

И я тут же полюбопытствовала:

– То есть вы отвергаете и прочих духов, не только Создателя?

– Они на стороне Урунжана, – ответил пятый подручный.

– А Великую Мать?

– Мы чтим Мать, – сказал Эмселах. – Она родила нас и всё, что видно глазу.

– Как интересно. – Я отставила опустевшую миску и подтянула колени к груди. После обняла их руками и продолжила: – Значит, вы отвергаете Белого Духа, своего создателя, но Илсым все-таки отдаете должное.

– Да, Урунжан слепил первого человека из снега, – мягко произнес Рахон, – но вдохнула в него жизнь Праматерь.

– Урунжан слаб, он не смог сам оживить свое творение, – чуть высокомерно сказал Эмселах. – Наш Покровитель свои создания оживил без помощи Илсым.

– Может, поэтому они такие... – я чуть помедлила, пытаясь подобрать слово, – неказистые?

– Что ты хочешь сказать? – прищурился Рахон.

– А ты находишь их милыми? Может, полезными? Какая польза от черына? Или от нэри? Разве что в ползуне можно найти некую прелесть, потому что он чуть не сожрал Селек, но в остальном? Белый Дух создал этот мир, наполнил его жизнью, и она прекрасна. А люди? Он дал вам дар слова, дар мысли, дар чувств. Всё это он вложил в снежную фигуру, в которую Илсым через рождение вдохнула жизнь. А что же создания Илгиза? Те, что живут в Каменном лесу, не выживут нигде более, если там нет сумрака. Ты, Рахон, можешь встать и обойти всю землю, можешь растянуться на траве и, глядя из-под ресниц на ласковое солнце, мечтать, а дано ли это черыну? Всё, что у него есть, – это голод. Верно? Вот и выходит, что творения Создателя прекрасны и не имеют изъяна в своей изначальной задумке. Порождения же Илгиза бесполезны, жестоки и опасны даже для вас, его последователей. Возразишь?

– Ты не собьешь нас с истинного пути, – отчеканил Эмселах.

– Стало быть, ты признаешь мои слова справедливыми, – заметила я.

– А я говорила, – с издевкой произнесла Акмаль, успевшая лечь, – ей нельзя позволять говорить. Она умеет смущать разум.

Я посмотрела на Рахона и ждала, что скажет он, но пятый подручный пока молчал. Он рассеянно ворошил угольки в костерке и, кажется, даже не замечал нашего разговора. И все-таки мне было любопытно, что думает приближенный великого махира, стоявший пятым в очереди из сотен других одаренных.

– А ты что скажешь, Рахон? – не выдержала я.

Он поднял на меня взгляд и улыбнулся.

– В твоих словах есть правда, Ашити, – сказал илгизит. – Но кто знает, что было до первых людей? Сколько попыток Урунжана были неудачны? Однажды Покровитель сравняется и превзойдет своего брата, а мы поможем Ему своей верой и силой.

– Как и Архаму, – вставила махари. – Он тоже однажды превзойдет своего брата.

– Любопытная аналогия, – усмехнулась я и поглядела на нее. – Акмаль, он знал о том, что мать служит вам?

Она отвернулась и буркнула:

– Нет.

И тогда я опять поглядела на пятого подручного:

– Рахон, расскажи, что говорил Архам, когда ты уводил их?

– Ничего не говорил, – ответил илгизит. – Молчал всю дорогу.

– Как он тебе показался? Каким был?

– Хмурый, неприветливый. Но за матерью шел послушно. – Рахон ненадолго замолчал, а затем произнес: – А вот она говорила много. Сначала-то тоже помалкивала. Потом мне нашеп-

тивать стала, что я должен сказать Алтааху, как много они с сыном для нас сделали. Перед махиром заискивала и всё кланялась, сказок рассказала больше, чем открыла правды. Куда ни глянь, а везде Селек молодец. И то ей удастся, и это. А то, что бежать пришлось, так всё проклятый Танияр со своей пришлой. Много она себя и Архама хвалила, еще больше грязных слов о тебе с твоим мужем сказала. Шаманку вашу тоже не забыла.

– Дура, – сплюнула Акмаль.

– Верно, махари, – улыбнулся Рахон. – Великого махира не обманешь, сладкими словами уши не зальешь. Слушать ее слушал, а после увести велел. Сказал ей с сыном ждать, вот и ждут теперь.

– Я его утешу, – донесся до меня едва слышный шепот Акмаль. – Хмуриться уж не будет.

Я повернула голову в ее сторону, некоторое время в задумчивости смотрела, а после отвернулась, так и не огласив своих мыслей. И тут же встретила с внимательным взглядом Рахона. Мы с минуту рассматривали друг друга, и мне подумалось, что глаза у него пронзительные, умные.

– А ты что скажешь, Ашити? – спросил пятый подручный.

– О чем?

– Об Архаме, – пояснил Рахон. – Про его мать мы всё знаем, понимаем ее. А Архам? Каким ты его видишь?

Акмаль порывисто села и воззрилась на него с негодованием.

– Зачем ты спрашиваешь ее? Спроси меня, и я скажу, какой мой муж. Что скажет тебе она, пришедшая, которая не знает его? Гадости? Она жена Танияра, а Танияр предал брата...

– Правда? – спокойно, даже мягко спросила я, и махари бросила на меня упрямый взгляд исподлобья.

– Ты говорила мне о нем много плохого, ты разозлила меня, – с вызовом ответила она.

Я рассмеялась и тем вновь прервала Акмаль. Рахон, с интересом слушавший нас, устремил на меня вопросительный взгляд. Посмотрел и Эмселах.

– Мне нужно было тебя разозлить, – наконец ответила я. – Это был допрос, Акмаль, и мне надо было вывести тебя из равновесия, чтобы ты показала настоящие мысли. И ты показала. В тот день я поняла, что нет скромной Мейлик. Это всего лишь маска. Ты притворялась тем, кого не существовало. Мейлик, представшая мне в тот вечер, была иной. Более решительной и твердой, она имела зубы, которыми могла кусать в ответ, чего не позволила бы себе скромная женщина. Она бы плакала, просила не говорить дурного о ее муже. Уверяла бы, что Архам не такой, как я о нем отзываюсь, но не кидалась в ответную атаку... не нападала бы в ответ. Это был твой просчет, Акмаль. И уже потому я не верила, что Хасиль что-то неверно истолковала в твоих словах.

Махари, продолжавшая буравить меня взглядом исподлобья, вдруг вспыхнула и отвернулась. Зато Рахон пододвинулся ближе. Он слушал меня с явным, даже жадным любопытством. После кивнул, кажется, своим мыслям и спросил снова:

– Так что же ты скажешь об Архаме?

Я ненадолго задумалась. И это тоже вызвало одобрение илгизита, это я ясно увидела. Усмехнувшись его наблюдениям, я произнесла:

– Акмаль права, мне и вправду толком нечего сказать о брате моего мужа. Ко мне он относился плохо, называл пришлой. Отправил брата жениться на Саулык, хоть и видел, что Танияр уже сделал выбор. Единственный раз, когда я пришла по приглашению Селек, он был поначалу молчалив и мрачен, потом резок и предвзят. Отнесся ко мне с предубеждением... не знаю, как объяснить более понятно. Я бы могла сказать, что он слаб духом, что позволил матери управлять собой, что он недостойн иметь такого брата, как Танияр. Однако повторю, Акмаль права, я совсем не знаю ее мужа. А судить о человеке, зная его лишь поверхностно, нехорошо и несправедливо.

Это то, что я произнесла вслух, но подумала совсем о другом. К примеру, о том, как бы ни поступил его брат, мой супруг был искренне привязан к нему. Любил его, потому не стал противиться заговору Селек, хоть и мог призвать шамана. Тогда Архам никогда бы не получил чельк, а преступление его матери раскрылось бы много раньше. Но Танияр не стал спорить, он принял выбор брата и поддержал его. Служил верно, как должен был служить ему Архам. А раз он верил, что еще можно вернуть того мальчишку, который был ему ближе всех на свете, значит, имел на это повод.

И этот повод дал сам Архам. Как бы там ни было, но он всегда оставлял брату лазейку. Селек желала смерти алдару, но ее сын обходил ее требования, давая брату, казалось бы, глупые приказы. Вроде этого – пойти в горы на илгизитов. Каждому было ясно, что это самоубийство, как желала каанша, но именно поэтому Танияр отказывался выполнять подобные приказы. И я даже уверена, что, отправляя брата к Елгану, Архам полагался на смекалку Танияра, которая могла помочь избежать этой свадьбы. Возможно, не учитывал норов самого Елгана, но брату место для маневров оставил. Впрочем, достаточно вспомнить, как он принимал чельк. Молчаливый и мрачный, совсем как тогда, когда шел за Селек к илгизитам. Я уверена, что он был недоволен происходящим, в душе, наверное, даже противился, но исполнил, что занимая место брата, что отправившись к илгизитам.

И мне до зубовного скрежета хотелось понять, чем его повязала мать, если он раз за разом принимал ее сторону, имея скрытое несогласие с ней. Живой пример – Эчилъ. Архам был зол на вторую жену за ее выходку и обещал наказать, а после отводил глаза и ничего не предпринял, как обещал в первом порыве. Селек указала, что делать, он исполнил, тем обидев первую жену, которая, несмотря ни на что, продолжала любить его даже сейчас. Власть матери была крепка, и я приняла решение найти ее причину. А если получится, то и разорвать эту цепь, чтобы освободить Архама. Впрочем, прежде я погляжу, как он встретит свою жену и воспримет правду о ней.

– Ты сказала не всё, – уверенно произнес пятый подручный. – Я вижу, ты продолжаешь думать.

Пожав плечами, я скрыла зевок в ладони и ответила:

– Уже нет сил говорить, Рахон, будь милостив.

– Ты обещала быть правдивой, – с легкой укоризной напомнил илгизит.

– И я еще не солгала ни словом, – заверила я. – Говорила, что думаю. На вопросы отвечала честно. Если ты обвинишь меня во лжи, то будешь несправедлив.

– Может, и так, – не стал спорить Рахон. – Хорошо, засыпай. День был тяжелым, мы все устали. Пусть Покровитель...

– Нет, – остановила я его. – Просто пожелай мне добрых снов, этого будет достаточно. Обойдемся без упоминания духов, в их предпочтениях мы всё равно не сходимся.

– Добрых снов, Ашити, – усмехнулся пятый подручный, вновь не став спорить.

– Добрых снов, Рахон, – устало улыбнулась я и с блаженным стоном вытянулась на своем тюфяке.

Затем отвернулась от илгизитов, устремила взгляд в сумрак и позвала: «Мама, милости Создателя тебе. Я жива и здорова, обо мне заботятся. Сейчас я уже в горах, хоть утром была еще в Каменном лесу. Я расскажу тебе всё о моем перемещении сюда, а ты передай Танияру. Иначе я пока не могу разговаривать с ним.

Если он все-таки будет искать меня в Каменном лесу, то место нашего ночлега найдет по моим украшениям. Рахон выбросил их, когда почувал, что Белый Дух позволил мне увидаться с Танияром. Но дальше ему нет смысла идти, потому что открыть переход может только служитель Илгиза...»

А когда я во всех подробностях пересказала Ашит наш путь и то, с чем пришлось столкнуться, то еще чуть подумала и добавила: «Скажи ему, что Архам, уходя с матерью, был молчалив и хмур. И я постараюсь узнать, что так крепко привязало его к Селек».

А потом произнесла одними губами:

– Добрых снов тебе, милая моя. Пусть Увтын бережет тебя от кошмаров. – И добавила: – Надеюсь, ты всё еще слышишь меня, мама.

Глава 4

Мне казалось, что дорога в горах будет если и не хуже, то такой же изматывающей, как и путь через Иссыллык. И пусть Рахон уверял в обратном, и можно даже было ему довериться, потому что он ходил тут много раз, но я считала иначе. А потому покидала грот не в лучшем расположении духа, однако вскоре была вынуждена признать, что доверять можно даже илгизитам. Хотя бы в отношении знания ими родной местности.

Так вот, лезть вверх почти не приходилось, да и на отдохнувших ногах идти было легко. И вскоре я уже охотно разглядывала весьма впечатляющий и величественный пейзаж. Поначалу голые скалы, над которыми кружили две птицы. Их большие широкие крылья были раскинуты в стороны, и ветер нес их в необозримой небесной синеве. Выше птиц были только облака.

– Как хороши, – произнесла я, глядя на птиц. – Кто это?

Мои спутники дружно посмотрели вверх. Акмаль быстро потеряла интерес к обитателям скал. Рахон, щурясь на солнце, тоже теперь не сводил взгляда с птиц, а Эмселах ответил:

– Шангары, – а затем пожал плечами, – обычные птицы.

– Они прекрасны, – сказала я и, приставив ладонь к глазам, приостановилась, чтобы лучше их разглядеть. – Это пара, да? Они охотятся?

– Присматривают за птенцами, – сказал Рахон и обернулся ко мне: – Как любопытно, Ашити. Тебя не взволновали настоящие чудеса, но на простых птиц ты, кажется, готова любоваться бесконечно.

– Так они и есть чудо, – заметила я и улыбнулась. – Значит, там их гнездо, а в нем птенцы? – После поглядела на пятого подручного: – Много откладывают?

– Пять яиц самое большее, – ответил он. – Чем больше птенцов, тем тяжелей их сохранить. Одно-двух можно унести, если три, то третий погибнет, как четвертый и пятый. А шангар никогда не бросит кладку. Он не будет выбирать птенцов, которых хочет сохранить, потому что защищает всех, а значит, может погибнуть весь выводок.

– Если они теряют птенцов, – снова заговорил Эмселах, – шангары плачут.

– Да, очень жалобно кричат, – кивнул Рахон. – На всё воля Покровителя.

Я снова поглядела на крылатых родителей и вздохнула, ощутив жалость. Однако тут же появился новый вопрос:

– Кто охотится на птенцов?

Махари, снова шедшая первой, обернулась. Ее взгляд таил недоумение и насмешку, моя тяга познать Белый мир во всех его ипостасях была ей непонятна. Эмселах в этот раз промолчал, отдав право просвещать меня своему учителю. И так как дорога стала достаточно широкой, чтобы по ней могли пройти два человека, обогнал и пристроился рядом с дочерью великого махира. Из этого я сделала вывод, что мой вопрос навел илгизита на какую-то мысль и он решил быть ближе к Акмаль, чтобы защитить ее в случае опасности. А может, я и ошиблась. Мне это было малоинтересно, и я посмотрела на Рахона, с которым теперь тоже шла рядом.

– Шангары гнездятся на вершинах скал. Выбирают самые недоступные места, но кое-кто туда забраться может. Есть два хищника, которые могут угрожать выводку. Первый, тоже птица, – хаюн. Он поменьше шангара, но более юркий и наглый. Схватит птенца и забьется в какую-нибудь расщелину. Шангарам его не достать. Будут кружить, кричать, но спасти птенца не смогут. Второй – зверь. Фангаш. Фангаш хорошо лазает по скалам, у него такая шкура, что даже стрелой тяжело пробить. Он забирается в гнездо и съедает весь выводок. А еще урх...

– Урх? – переспросила я. – Я так много слышала их поминание, но толком не поняла, кто это. Что за существо? Зверь?

Рахон улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Нет, Ашити, он не зверь, хоть и покрыт шерстью. Но и не человек, хоть и ходит на двух ногах. У урха пальцы с когтями, они ходят вот так, – илгизит ссутулился, повернул носки сапог внутрь и прошел так вперед, переваливаясь с боку на бок, чем-то очень напомнив обезьяну. – Поганные существа. От них несет хуже, чем от зверя. Жрут и свежее мясо, и падаль. На них смотришь, думаешь, что они медленные, но урхи ловкие и быстрые. Они легко забираются на вершину скалы. Опасные твари...

– Твари? – переспросила я. – То есть они не созданы Илгизом?

– Здесь нельзя называть Покровителя по имени, – строго, почти сурово произнес пятый подручный.

– Ты знаешь, я не стану его называть покровителем, если только применимо к вам, но не ко мне, – отмахнулась я. – Так это не его создания?

– Нет, – сухо ответил Рахон и отвернулся.

А я задумалась. Мне не верилось, что Белый Дух мог создать нечто такое. Хотя... Как там сказал пятый подручный? Мы не знаем, что было до человека, до того, как Создатель сотворил настоящее чудо. Может, урх – это нечто вроде опыта? И вдруг испугавшись своей мысли, потому что она вела к сомнению в Его могуществе, я подняла взгляд к небу и прошептала:

– Прости.

Рахон обернулся на мой шепот, но я вмешивать его в свою беседу с Создателем не желала. И илгизит снова отвернулся. А я подумала, что даже если урх и детище Создателя, значит, на то было Его желание, и не мое дело лезть в высшие помыслы со своими выводами или осуждением. Хотя... любопытно. Но свой интерес я оставила на потом, когда вернусь домой. Тогда и спрошу у мамы, может, и расскажет.

– Нам кто-то может встретиться? – спросила я у Рахона.

– Тебе нечего опасаться, – ответил илгизит. – Я рядом.

– Значит, здесь нет созданий твоего покровителя? – живо заинтересовалась я.

– В горах нет, – сказал он и бросил на меня чуть ироничный взгляд: – Сколько в тебе помещается вопросов.

– Я любознательна, – подмигнула я и зашагала дальше, спеша нагнать Эмселаха и махари.

Впрочем, дальше я больше молчала. Хотелось запомнить окрестности. Кто знает, может, мне придется тут возвращаться, когда устану от гостей. Однако в том, что одна сумею уйти далеко, я имела здоровые опасения. Защитить себя я не смогу, и останется только уповать на помощь Белого Духа. Но, как бы там ни было, я продолжила выбирать ориентиры, по которым могла бы найти обратную дорогу.

А когда солнце поднялось уже совсем высоко, мы остановились на привал. И это оказалось именно то место, где был источник. В этот раз мне не мешали не только пить, сколько заблагодарассудится, но и умыться. После этого я ощутила себя намного лучше: посвежевшей и даже заново отдохнувшей – и путь продолжала бодрой и вполне дружелюбной.

Хотя и это состояние продлилось всего часа три, потом я опять устала и почувствовала раздражение оттого, что на равнину мы всё еще не пришли. Однако и горы уже какое-то время назад сменили свой облик. Появилась растительность, и она становилась всё гуще, а это весьма радовало глаз. Вид камней прискучил изрядно. Но вместе со сменой пейзажа изменилась и дорога. Теперь она стала круче и более извилистой.

– Еще немного, – подбодрил меня Рахон, услышав сердитое сопение, когда он помогал мне взобраться на склон, куда уводил нас путь.

– Ты так уже два дня говоришь, – проворчала я.

Я лукавлю. Вчера было много хуже, и я думала, что лучше бы они меня убили на старом подворье, чем изводить Иссыллыком и подъемом в горы, а сегодня просто хотелось поскорее добраться куда-нибудь, чтобы уже остановиться и никуда не ходить. Пока не придет время покинуть прибежище отступников, по крайней мере. Однако мы всё шли и шли, а цели нашего

путешествия видно не было. И как-то даже с тоской вспоминалось первое похищение, когда мы ехали на йенахах по землям таганов – ровным и тенистым.

– Видишь холм? – спросил меня пятый подручный, когда я ненадолго остановилась и покривилась.

Я подняла взгляд в указанном направлении и кивнула.

– За ним начинается Дэрбинэ, – улыбнулся илгизит. – Нужно еще немного потерпеть.

Вот теперь лукавил он. Впрочем, может, и не лукавил, а считал, что осталось совсем немного, однако оказалось, что идти нам не менее пары часов, а то и больше. И холм был не так чтобы рукой подать. И после холма хоть мне и открылся вид на цветущую равнину, однако поселения начинались много дальше. Первое мы и вовсе прошли насквозь, затем обогнули второе, и только перед третьим Рахон оповестил почти торжественно:

– Пришли. – Я ответила на родном языке, отозвавшись о нем весьма нелицеприятно. Он не понял, а потому не обиделся. – Нас ждет лихур, чистая одежда, еда и ночлег в мягких постелях.

– Так веди скорей, – с раздражением ответила я.

И мы вошли в поселение, каких было немало на землях таганов. Может, илгизиты и верили в другого духа, но жили так, как и их предки, по обычаям всех тагайни. И дома мне были знакомы, и устройство поселения, и даже голоса животных. Впрочем, забегать вперед я не стала. Набралась терпения и просто ожидала, чем меня поразит земля Илгиза. Пока что младший брат Создателя этого сделать не сумел, так, может, его последователи изобрели нечто такое, от чего я непременно ахну.

Итак, мы вошли во двор большого дома. Он был меньше нашего с Танияром и тем более значительно уступал дому на старом подворье. И все-таки он был достаточно велик, чтобы поверить Рахону на слово, что кроватей хватит на всех. Хорошо бы, чтобы и лихуров было несколько, иначе я рисковала ждать, потому что первой явно пойдет махари. Что до одежды, то надевать платье илгизитов мне вовсе не хотелось, однако мое собственное требовало чистки. И, вздохнув, я решила смириться.

Нам навстречу вышла молодая женщина, внешне приятная и, кажется, приветливая. Она тепло улыбнулась Рахону, после склонилась перед Акмаль. Эмселаху женщина кивнула, а на меня поглядела с любопытством. Взгляд ее прошелся по моей одежде, а затем вновь переместился на пятого подручного и стал вопросительным.

О, разумеется. Орнамент сказал этой женщине больше любых слов: откуда я, мой статус и даже то, что я замужем. Хотя это и так было понятно, потому что сестры Танияра, которых я еще никогда в глаза не видела, жили с мужьями в других таганах, а в Зеленых землях узор семьи каана мог достаться только его супруге. Оставался вопрос, знают ли здесь, что каан сменился уже какое-то время назад и кто вообще управляет этими землями.

Я чуть склонила голову, приветствуя женщину, и растянула губы в вежливой улыбке:

– Доброго дня, любезная хозяйка.

– Кто она, брат? – спросила женщина, пока не спеша ответить мне. – И зачем ты привел тагайни в мой дом?

– У тебя сегодня знатные гости, сестра, – ответил Рахон. – Перед тобой жена каана...

– Дайна, Рахон, – прервала его я и сама ответила сестре пятого подручного: – Я прибыла из дайната Айдыгер. Мое имя Ашити, и я жена дайна Танияра. Можешь обращаться ко мне по имени, а можешь – дайнани. И так и так будет верно.

Женщина снова оглядела меня с ног до головы и... обратилась к брату:

– Она нам друг, брат?

– Да, – улыбнулся илгизит, и я решила не вводить ее в заблуждение:

– Будет точней – пока не враг.

Рахон бросил на меня укоризненный взгляд, а затем, взяв сестру за плечи, посмотрел ей в глаза и строго произнес:

– Ашити – гостья, которую желает видеть сам великий Алтаах. И раз она ему желанна, то разве мы осмелимся отказать этой женщине в гостеприимстве? Тагайни не желали признавать ее из-за цвета глаз. Давай покажем, что нам дорог любой, кто вошел Дэрбинэ.

– Не стоит наговаривать на моих земляков, – снова влезла я в их беседу. – Предрассудкам подвержены все. К примеру, твоя сестра не желает впустить меня в свой дом, потому что я пришла из земель таганов. Вопрос лишь в том, насколько быстро люди признают, что ошибались и готовы менять свои взгляды. Тагайни подружились со мной почти сразу. Может, и не все, но постепенно и для недругов я стала «их Ашити». Но столь же гибка и приветлива... – и я посмотрела на пятого подручного вопросительно, повесив в воздухе недосказанность.

Он понял правильно, почему я остановилась:

– Мою сестру зовут Геншеле.

– Геншеле, – закончила я свою речь и теперь поглядела на женщину.

– Она неучтива, – нахмурилась та.

– Напротив, – возразила я. – Несмотря на то что пришла сюда не по доброй воле, я приветствовала тебя, назвала свое имя и место, откуда прибыла. К тому же, – теперь я вновь перевела взгляд на Рахона, – среди моих сородичей бытует поверье, что гость в доме – это благословение. Потому ему ни в чем не отказывают и принимают радушно. Но в Дэрбинэ иные порядки, иные законы и поверья. И раз рядом с гостем разговаривают так, будто его тут нет, то стоит ли мне входить в такой дом? Махир ожидает меня с зимы, думаю, его прием будет радушной. Сестра его пятого подручного желает закрыть передо мной двери.

Илгизит поджал на миг губы. Его взгляд стал отстраненным, на скулах заходили желваки, и я вновь вопросительно приподняла брови, не став прятать иронии.

– И что же ты будешь делать, дайнани? – сухо спросил он.

– Пойду дальше, – ответила я, пожав плечами. – Если на меня нападут другие илгизиты или урх утащит в свое логово, то на ком будет вина? На мне или на тебе, раз не сумел сохранить и привести к Алтааху, как он того желал?

– Ты была разумней всю дорогу, – пятый подручный склонил к плечу голову.

– А я и сейчас разумна, – усмехнулась я и отчеканила, перестав играть: – Я согласилась идти с тобой, не доставляя неприятностей. Так почему же после долгой и трудной дороги, когда мне были обещаны лихур и отдых, я всё еще стою на пороге дома, куда меня не пускает твоя сестра? Ты ведь всё ожидал моего изумления, так вот оно тебе – я неприятно поражена и оскорблена. Я, Ашити Пришедшая Издалека, готова идти дальше, даже если мои ноги начнут кровоточить, но не стану заискивать и уговаривать Геншеле впустить меня в свой дом.

После этого развернулась и направилась прочь, ощущая умиротворение. Зачем мне нужно было это представление? Во-первых, я и вправду была раздражена подобным приемом. Во-вторых, эти люди были мне не нужны. Я не желала их дружбы, не хотела стать своей, а потому терпеть высокомерие илгизитки не собиралась. А в-третьих, мне было любопытно, как поведет себя Рахон. На примере этого я могла уже сделать вывод, что ожидает меня в скором будущем. Потащит силком в дом, значит, в Даасе я стану всего лишь исследуемым объектом. Догонит и попытается уговорить, тогда можно быть готовой к тому, что со мной хотят сотрудничать. Я желала это понять заранее, и дом близкого ему человека был хорошим подспорьем. Моя настоящая важность могла быть открыта только выбором илгизита: сестра или пришедшая.

– Эмселах! – рявкнул пятый подручный.

Я вышла за ворота и неспешно побрела дальше, позволяя легко нагнать меня. И вскоре позади слышались быстрые шаги. Рахон бросил на меня непроницаемый взгляд и отрывисто произнес:

– Идем.

– Куда? – любопытствовала я, заметив, что в обратную сторону меня не ведут. – Оставишь в каком-нибудь сарае под замком?

– У тебя будет самый лучший сарай в этих землях, – ровно ответил илгизит, и я так и не поняла, шутка это или и вправду собирается меня закрыть где-то.

Однако мы так и дошли до других ворот, покинули через них поселение и направились дальше. Вот теперь я ощутила острое любопытство. Куда он вел меня? В Даас, где меня ожидали? Неужели решил поскорее избавиться, несмотря на то что идти туда в темноте было опасно, как утверждал сам Рахон? Впрочем, всё могло быть куда проще. Возможно, к его сестре мы зашли потому, что илгизит соскучился по ней и хотел навестить по дороге, а сложностью горной тропы просто отговорился. Но изумило другое – Акмаль с нами не было. И я с новым интересом посмотрела на пятого подручного.

Он оставил махари на попечение своего ученика, только так я могла истолковать призыв Эмселаха и отсутствие Акмаль. Хотя и тут всё может быть просто – не желает утомлять ее дальше. А раз я желаю продолжить мерить шагами землю илгизитов, то отказывать мне не стал. Но! Я узнала, что хотела. Ко мне отнесутся как к желанной гостье и важной персоне, а это очень и очень неплохо. То есть я уже могу выбрать линию поведения. Да, весьма недурно.

– Рахон, – позвала я, заметив, как спина илгизита начала расслабляться, а значит, его раздражение пошло на убыль, и можно было поговорить.

Пятый подручный, шедший впереди, полуобернулся, но отозваться или остановиться не спешил. Однако все-таки замедлил шаг, и я поравнялась с ним.

– Дэрбинэ, – произнес Рахон.

– Что – Дэрбинэ? – не поняла я.

– Мы идем в Дэрбинэ.

– А сейчас мы разве не в Дэрбинэ?

– Мы идем в главный харат, – пояснил илгизит, и я чуть расширила глаза.

– Вы переняли это название у Курменная?

На это Рахон не ответил, только выше задрал подбородок, и я поняла, что так и есть – позаимствовали. Значит, мы идем в столицу. Как интересно. И к кому же мы туда идем?

– К кому мы туда идем? – озвучила я свою мысль.

– Увидишь, – усмехнулся пятый подручный, и я преисполнилась любопытства.

Время от времени я бросала задумчивый взгляд на Рахона, и он это замечал. И чем дальше, тем ироничнее становился его ответный взор. Илгизит забавлялся. Усмехнувшись, я легко вздохнула и зашагала рядом, более не радуя его своей любознательностью. У меня уже была выучка тагайни, и потому я просто положила на будущее, которое принесет ответ на невысказанный вопрос. Тогда и узнаю. И я выкинула досужие размышления из головы.

Однако идти в молчании оказалось скучно, потому что так я начинала уходить в себя, и усталость в ногах ощущалась особенно остро. Сколько нам еще идти, было неизвестно, и в какой-то момент я даже заподозрила, что ошиблась в своих выводах, а Рахон попросту решил наказать меня продолжением нашего путешествия. И вот теперь я почувствовала вызов, что-то вроде того, который Улбах бросил Танияру. Только у них было, кто кого пересидит, а у нас с пятым подручным – перешагает. Ну что ж... Посмотрим. И к усталости примешался еще и боевой дух.

– Почему ты решила уйти из дома моей сестры? – вдруг спросил Рахон.

– Мне не понравилось, что меня обсуждают так, будто меня нет рядом, – ответила я, поглядывая на небо.

– Тагайни вели себя так же, – заметил пятый подручный.

– Нет, – я бросила на него взгляд. – Они всегда напрямую обращались ко мне. Доказывали, что я пагчи, но доказывали мне. И даже если начинали спорить между собой о том, кто я и зачем Танияр привел меня, я оставалась участником этого спора. Геншеле же только свер-

кала на меня глазами и говорила только с тобой. Даже не поздоровалась, в чем тагайни мне не отказывали даже в самом начале нашего знакомства. А между тем мне говорили, что вы привечаете всех, кто бы ни пришел к вам, потому что надеетесь обрести еще одного собрата по вере. Но сегодня я увидела, что это не так. Может, когда-то последователи Илгиза и стремились к дружелюбию, но теперь вы начали смотреть на чужаков свысока.

А это значит, что илгизиты нарастили численность и мощь настолько, что могут себе позволить выбирать, кому улыбаться, а кому нет. И эту информацию я отложила для следующего разговора с мамой, а если повезет, то и с Танияром.

– Ты из тагана, – пожал плечами Рахон, – значит, отвергаешь нашего Покровителя.

– Вы отвергаете вашего Отца, – пожалла я плечами в ответ. – Но я же еще не выцарапала тебе глаза.

– Ты сказала, что пока нам не враг, – улыбнулся илгизит. – Я поберегу свои глаза.

– Мудро, – согласилась я. После чуть помолчала и спросила: – С Акмаль мы встретимся утром?

– Нет, ты увидишь ее уже в Даасе, – сказал Рахон. – Махари отведет Эмселах. Наши пути пока разошлись, мы с тобой пойдем по другой дороге.

– Она будет злиться, – почти утвердительно произнесла я.

– Махари стоит высоко, она привыкла, что мы оберегаем ее. Но Акмаль никто не посмеет обидеть в Дэрбинэ, потому я буду оберегать тебя.

– Далеко ваша столица? – встретившись с непониманием во взгляде илгизита, я пояснила: – Главный город... Харат.

– Переправимся через реку, и ты его увидишь.

– А река далеко?

– Выйдем за следующее поселение, и ты ее услышишь, – заверил меня Рахон.

– Ясно, – буркнула я, и он хмыкнул.

Итак, нас ожидает долгая дорога. Интересно, мы хотя бы к ночи попадем в столицу Дэрбинэ – Дэрбинэ? Или только к завтрашнему утру? Так это все-таки наказание за строптивость? Я покосилась на пятого подручного и ухмыльнулась. Идея, пришедшая мне в голову, показалась замечательной. Потому, пройдя еще шагов двадцать, я остановилась и протяжно вздохнула. Рахон развернулся ко мне, и я пояснила:

– Я очень устала.

– Ты сама хотела идти, – напомнил илгизит.

– Мое намерение осталось прежним, – ответила я. – Но ноги уже не держат.

И в подтверждение истинности своих слов, а я не особо-то и лукавила, мученически покривилась.

– И что же ты хочешь? – спросил пятый подручный с любопытством.

– Понеси меня, – предложила я, не забыв подкрепить просьбу милой улыбкой.

– Я тоже устал, – усмехнулся Рахон.

– Но ты шагаешь бодро, а я уже не могу ступить и шага, – возразила я. – Или остаемся здесь, или неси меня дальше. Сама я идти не в силах. А ты, если еще помнишь, обещал обо мне заботиться. Вот Танияр как-то нес меня на руках почти от земель кийрамов и до Иртэгена. Впрочем, ты, конечно же, не он...

– Я не слабей твоего мужа, – высокомерно фыркнул пятый подручный и подставил свою спину.

Дальше я ехала верхом на илгизите и наслаждалась видами окрестностей, которые почти не замечала из-за усталости. И скажу, положив руку на сердце, они показались мне чудесными. О голых скалах даже не осталось воспоминания. Мы шли среди буйного цветения по малоприметной дороге. Рахон не повел меня там, где могло быть оживленное движение, но об этом я и не жалела. Любопытных взглядов мне совсем не хотелось, не от илгизитов.

Подобное я прощала моим дорогим тагайни, находила их любопытство милым и даже порой забавным. А вот общаться с илгизитами и читать им проповеди, призывая к терпимости, не видела смысла. Мы верили в разных духов, потому говорили на разных языках. Хотя... нести здесь слово Создателя было бы даже интересным, особенно пользуясь покровительством самого махира и защитой его пятого подручного. А вдруг и вернула бы несколько заблудших душ к истинной вере...

Представив себе то, о чем подумала, я весело рассмеялась. Да уж, ситуация вышла бы презабавная.

– Над чем смеешься, Ашити? – ровно спросил меня мой «скакун».

– Да так, – отмахнулась я. – Просто вспомнилось.

– О чем?

– Это личное, – ответила я. – То, что касается только меня и моего мужа. Об этом я говорить не буду.

Мы еще немного помолчали, и илгизит вдруг спросил:

– Что бы сказала ты, если бы была моей сестрой?

Я с удивлением посмотрела на затылок пятого подручного. Поняла, о чем он спрашивал, просто не ожидала этого вопроса. Впрочем, тут я могла быть откровенной, потому ответила:

– Во-первых, я бы не стала задавать тебе вопросов с порога и при незнакомом человеке, которого привел ты, мой брат. Я не была в путах, не несла оружия, да и вообще не создавала видимой угрозы ее дому, благополучию и жизни. К тому же рядом была махари, а это уже повод сделать вывод, что опасности во мне нет. И тогда, во-вторых, я бы приветствовала незнакомому мне человека, узнала его имя и представилась бы сама. После пригласила в дом и уже тогда, и это в-третьих, отозвала бы тебя под благовидным предлогом туда, где нас не услышат, и задала все терзавшие меня вопросы. Но даже если бы мне не понравилось то, что ты сказал, я бы осталась вежливой с гостем. Может, была бы прохладна, но своего достоинства не уронила, показывая собственную неучтивость и тем самым унижая брата, который надеялся на мое гостеприимство и дружелюбие.

– Я не ощутил себя униженным, – возразил Рахон. – Только когда мне пришлось бежать за тобой.

– Вот как? – спросила я его именно тем тоном, который только что помянула, – прохладно-вежливым. – Выходит, тебе безразлично, что твои родные выставили тебя лжецом?

Илгизит приостановился и полуобернулся:

– Объясни.

– Ты сказал, что нас ожидает отдых, лихур, еда и чистая одежда. Ты дал мне надежду, и я поверила. Однако, когда мы вошли во двор, твоя сестра не спешила впустить меня в дом, то есть показала, что твои слова пустой звук. А это недоверие тебе, а не мне. Но в таком случае это уже твоя ошибка, Рахон. Зная, что тебя могут выставить в неприглядном свете, тебе следовало оставить нас за воротами и войти одному и спросить дозволения привести гостей, сразу пояснив, кто среди них находится. Тогда не выйдет неловкости, когда споры начнутся уже с порога.

– Моя сестра уважает меня, – сухо ответил пятый подручный. – И ты получила бы всё, о чем я говорил. Нужно было только дать мне ответить.

– Я не позволю каждому встречному унижать моего достоинства, – также сухо ответила я.

– Я тебя услышал, Ашити, – произнес Рахон.

– Благая весть, – усмехнулась я.

А потом мы вышли к маленькому селению, за которым текла обещанная река. Я и вправду услышала ее раньше, чем увидела, и это меня несколько насторожило. Илгизит остановился и велел непререкаемым тоном:

– Слезай.

– Мне удобно, Рахон, не переживай, – отозвалась я.

В этот момент я была занята попытками разглядеть реку и понять, что нас ожидает дальше: мост или нам придется сесть в лодку. Против последнего я не возражала, но вот шум воды вовсе не вдохновлял на водную прогулку. Течение на звук казалось быстрым, перебаты по камням, похоже, имели место, а это, знаете ли, вызывало здоровые опасения в безопасности передвижения. А так как на спине пятого подручного я была выше, чем стоя на собственных ногах, то спускаться мне не хотелось, пока не найду ответы на свои вопросы.

– Что скажут люди, когда увидят, что меня оседлала тагайни? – строго спросил илгизит.

– Они скажут, что ты необычайно добрый человек, – заверила я, еще больше вытянув шею.

– Слезай, – повторил пятый подручный, и я фыркнула:

– Очень мило. Стало быть, твоя опека так велика, а плечо столь надежно, что зависит от того, что скажут о тебе люди? Весьма мило. Так вот, дорогой мой недруг, напоминаю, что я не набивалась тебе в попутчики. Это ты утащил меня из Айдыгера. Вот уж где знают, что такое крепость слова. Моему супругу было плевать, кто и что о нем подумает, если он проявит обо мне заботу. Слова Танияра тверже камня, а ты... – Я спрыгнула на землю и договорила: – Ты, Рахон, соришь ими впустую. Отныне я больше не стану обманываться на твой счет. – И, развернувшись к нему спиной, первой направилась дальше, не забыв бросить на ходу: – Бахвалиться может каждый, но лишь тот, кто знает, что такое честь, не отступится от своих обещаний. Но это не ты, илгизит.

Я успела пройти всего несколько шагов и охнула, потому что Рахон подхватил меня на руки и сердито зашагал в сторону селения. Лицо его было непроницаемым, но глаза потемнели, и на скулах ходили желваки – мои слова задела пятого подручного. Он был зол, я довольна. Во-первых, мне вновь не надо было идти на уставших ногах, а во-вторых... Во-вторых, я прекрасно понимала, что хотел сказать илгизит, когда просил меня спуститься на землю, а мне хотелось, чтобы так и вышло. Да! Я очень хотела скомпрометировать пятого подручного, потому что через него я компрометировала самого великого махира. Поэтому, когда мы вошли в селение и люди, узнав Рахона, начали поворачивать головы нам вслед, я подняла руку и приветливо улыбнулась.

– Милости Белого Духа вам, добрые люди, – радушно произнесла я. – Да не оставит вас Отец своим благоволением.

Ответом мне стала мертвая тишина, мгновенно нависшая над селением. Рахон впился мне в лицо тяжелым взглядом окончательно ставших черными глаз. Его пальцы сжались, причинив мне боль, и с языка сорвалось шипение:

– Что ты делаешь?

Я отчеканила в ответ:

– Пыталась быть дружелюбной. – После прикрыла губы кончиками пальцев и округлила глаза, «осознав»: – Ох, прости, я сказала то, что мне привычно. Это всего лишь оговорка. – И добавила сварливо: – Незачем щипаться, можно было попросту напомнить, что я уже не на землях, где почитают Создателя и Отца всего сущего. Грубость унижает самого грубияна.

– Ты всё это сама хорошо знаешь, – ледяным тоном произнес пятый подручный и поставил меня на землю.

Мы уже прошли селение и оказались с другой его стороны, так нигде и не остановившись. Нужно ли нам было туда заходить вообще, осталось для меня загадкой. Но дело было сделано, и даже синяки, оставленные пальцами илгизита, не могли поколебать удовольствия при воспоминании, как вытянулись лица отступников.

– Зачем ты это сделала?

Рахон рывком развернул меня к себе, он был всё еще зол. Я заглянула ему в глаза и улыбнулась, теперь чуть смущенно. Затем взяла за руку и произнесла:

– Ну, прости. Хватит дуться, или ты лопнешь, и тогда некому будет отвести меня к Алта-аху. Я просто забылась.

Илгизит опешил от новой метаморфозы, произошедшей со мной. Однако с оторопью он справился быстро и ответил хоть сурово, но уже без прежней злости:

– Ты не забылась, Ашити. Ты это сделала нарочно.

Вздохнув, я кивнула:

– Верно. – А затем проворчала: – Ты меня разозлил. Пока никто нас не видит, я – дорогой гость. Но стоит появиться кому-то, как ты начинаешь беспокоиться, как бы не подумали, будто я и вправду дорога. Это, знаешь ли, обесценивает твоё доброе отношение ко мне. – И пока он не ответил, я подняла вновь свободную руку и спросила: – Мир?

Чуть поколебавшись, Рахон поднял руку в ответ и сжал мою ладонь. Я сама порывисто прижалась к нему и замерла, ожидая, что он сделает дальше. Пятый подручный поднял вторую руку, она зависла рядом с моим плечом. Но вот доверчивый илгизит решился и обнял меня. Я отсчитала про себя до трех, выдерживая паузу, и, отстранившись, с улыбкой посмотрела ему в глаза. Затем стрельнула взглядом за плечо подручного – зрители никуда не делись.

Они там стояли и смотрели на нас с тех пор, как мы покинули селение, и всю эту «нежную» сцену видели. А вот Рахон их не заметил, потому что стоял к людям спиной.

– Куда дальше? – спросила я пятого подручного, беря того под руку.

– К реке, – ответил он с улыбкой.

– Значит, к реке, – не стала я спорить.

– Больше так не делай, – строго велел илгизит, когда мы зашагали дальше. – Я буду оберегать тебя – мое слово крепкое. Но там, куда мы направляемся, даже я могу оказаться бессилен, если ты будешь поминать Урунжана.

– А куда мы направляемся? – живо заинтересовалась я.

– Увидишь, – как-то хитро и даже весело подмигнул Рахон, и я преисполнилась любопытства. – Хорошо, что сейчас обошлось спокойно. Тебя могли обидеть. Наши люди не любят тагайни и не терпят тех, кто прославляет Урунжана.

Я подняла взор к небу. Ты даже не представляешь, мой дорогой враг, как закончилась моя выходка, за которую не последовало никакого наказания. А раз так, то разговоры о потворстве прислужников Илгиза наглой тагайни непременно пойдут. А если прибавить мое выступление в доме Геншеле, а после то, как послушно Рахон последовал за мной, то разговоров должно стать еще больше. К тому же он так мило держал за руки и обнимал женщину, посмевавшую во всеуслышание помянуть Создателя на землях, где Его принято презирать, что это не могло пройти мимо внимания поклонников Илгиза.

Разумеется, доверия к махиру и его подручным это не подорвет. Два события – слишком мало для сомнений, но ропот вызовет. А если духи будут милостивы, то, возможно, я успею оставить следы еще где-нибудь, кто знает. И я отвернулась от своего спутника, чтобы спрятать новую улыбку. Впрочем, она тут же сползла с моего лица, потому что я увидела реку.

Она и вправду была стремительна. И рокотала так, что я заткнула уши. Но более всего меня повергло в уныние отсутствие моста. Я повертела головой, даже вытянула шею, но мост появляться в поле моего зрения не спешил. А последнюю надежду на то, что он все-таки есть, убил пятый подручный.

– Река только здесь кажется такой быстрой, потом ее течение станет спокойней. Не бойся, я много раз переправлялся отсюда.

– Но мост?! – воскликнула я, ни в какую не желая расставаться со святой верой в наличие надежной переправы.

– Его уже давно не ставят, – перекрывая рокот реки, повысил голос илгизит. – Сносит по весне. Идем.

– Куда? – округлила я глаза.

– Туда, – ухмыльнулся пятый подручный и, сжав мою ладонь, потянул за собой.

Я следовать за ним не желала, и вскоре наше продвижение могло бы, наверное, кого-то довести до колик, если бы нашелся такой зритель. Но рядом с рекой никого не было видно, и потому наша молчаливая, но упорная борьба проходила никем не замеченной. Я упиралась пятками в землю, Рахон продолжал меня тащить, потому за нами оставались две борозды – земля была тут мягкая и рыхлая. Я в остервенении лупила илгизита по руке, пытаюсь вырваться, его хватка оказалась железной.

Поняв, что застопорить наше продвижение не могу, я вывернулась и потянула подручного в обратную сторону. Но и эта попытка провалилась с треском. Рахон наконец с силой прижал меня к себе и ускорил шаг.

– Не хочу! – возопила я, глядя в ужасе на бурлящую реку.

– Всё будет хорошо, – как-то вовсе не успокоил меня илгизит. – Доверься мне, я много раз это делал.

– Ни за что! – категорично ответила я, для верности мотнув головой.

– Эти пороги ненадолго, – снова попытался уговорить меня Рахон.

– Идем до моста, – вцепившись ему в плечи, взмолилась я.

– До темноты будем идти. Ночью опасно, – воззвал он ко мне, но я снова замотала головой. – А с мужем бы села в лодку?

Я перевела взгляд с реки на пятого подручного, потом снова на реку и поняла – будь на месте Рахона Танияр, села бы. Даже если бы боялась до дрожи, всё равно бы села. Но это же Танияр! С илгизитом я погибать не желала. В конце концов, я обещала мужу, что мы однажды встретимся, а нарушать свое обещание мне совсем не хотелось. Он вернулся ко мне, выстоял против объединенного войска, так неужели же я могу себе позволить быть размазанной по камням, словно масло по хлебу?! Нет!

– А-а-а! – завизжала я изо всех сил.

Пользуясь моей минутной заминкой, проклятый илгизит толкнул меня на дно лодки. Она была вытащена из воды, и Рахон не мешкая налег на нее, толкнул в воду и запрыгнул сам. Через мгновение в его руках уже было весло, и пятый подручный повел нас к верной гибели...

Глава 5

– Ашити.

Я не отозвалась. За моей спиной слышалось хмыканье, но и на это я тоже не обратила внимания.

– Ашити, хватит дуться. Если ты лопнешь, то кого же я приведу к Алтааху?

Полуобернувшись, я все-таки мазнула по негодю хмурым взглядом – он использовал мою фразу, и опять отвернулась. Пороги остались давно позади, он и вправду справился с ними без особого труда, но я всё никак не могла забыть своего страха, простить его илгизиту тем более. Когда наша лодка неслась по перекатам, я раз, наверное, тысячу успела проклясть Рахона и пожелать ему всех тех гадостей, какие только могла себе вообразить. И даже когда пороги закончились и река замедлила свой бег, я продолжала ненавидеть пятого подручного всей своей перепуганной душой. Выдохшись же, отвернулась от него и замолчала.

Молчание тянулось уже не менее полутора часов, и что-то менять я не желала. Илгизит, то ли заигрывая со мной, то ли просто желая развлечь, некоторое время кружил нашу лодку, но меня это вовсе не веселило. Ужас, пережитый мной за то время, пока он тащил меня к реке, а после боролся со стремительным течением и порогами, не подразумевал быстрого успокоения, прощения и легкой беседы под темнеющим небом, на котором зажигались звезды.

– Я же говорил, что много раз это делал, – примирительно произнес илгизит. – Ашити...

– Я отмахнулась, и пятый подручный негромко рассмеялся: – Ты забавная.

– Отстань от меня, – буркнула я, впервые нарушая молчание.

– Хочешь, расскажу про Даас? Или про харат Дэрбинэ? Может, хочешь послушать какую-нибудь из наших легенд? Они интересные, а я знаю много историй.

Я заткнула уши и некоторое время сидела так, но вскоре руки опустила и спросила прохладным тоном:

– Долго еще плыть?

– Нет, – ответил Рахон. – Впереди река делает поворот, после него и пристанем к берегу. Ты сама увидишь.

Кивнув ему, я продолжила скользить взглядом с одного берега на другой. Впрочем, растительность в этом месте была обильной, и всё, что я видела, – это луг, ухоженное засеянное поле, одно большое стадо мгизов да пару поселений, таких же небольших, как и то, где мы сели в лодку. Сели... Фыркнув, я медленно выдохнула и подумала, что неплохо бы знать о месте, куда мы направляемся. И, сделав над собой усилие, я милостиво разрешила:

– Расскажи про ваш харат.

За моей спиной снова усмехнулся илгизит, однако ерничать и иронизировать не стал.

– Харат начали строить еще наши прадеды, – заговорил пятый подручный. – Там стоят каменные дома. А дом йарга...

– Кого? – все-таки обернувшись, спросила я.

– Того, кто повелевает всем Дэрбинэ, – пояснил Рахон. – Твой муж – дайн. Бальхаш – йарг. – Я кивнула, он продолжил: – Дом йарга самый большой. Он возносит свою главу к самому небу. Крыша его и стены выложены раковинами, которые собирают на озере дальше в горах. Когда светит солнце, кажется, что дом переливается, и тогда невозможно отвести глаз.

– Хм... любопытно, – признала я. – Мы увидим дом йарга?

– Увидим, – ответил илгизит. – Но сейчас станет совсем темно, и его красоты уже не разглядим.

Я неопределенно пожала плечами. Не разглядим, и ладно. На Курменай мне поглядеть хочется намного больше, чем на дом йарга. А еще больше хотелось узнать, почему этот таган ушел далеко вперед от остальных. Хотя... Насколько далеко, можно было понять, только уви-

дев его своими глазами. И все-таки он отличался от других таганов, и это было весьма любопытно.

А потом река свернула, и я поняла, куда направит нашу лодку Рахон. Там был причал – деревянный настил на сваях и лестница, которая вела вниз к длинному узкому пирсу. К низким перилам были привязаны лодки: большие и маленькие, весельные и с парусом. Туда же пятый подручный направил и наше суденышко. И пока мы подходили, я с интересом рассматривала пристань.

– У тагайни такого нет, – подмигнул мне илгизит.

Я пожала плечами и ответила:

– Это всего лишь обусловлено условиями жизни. Путь по суше короче, чем по воде. В лесах нет разбойников, никто не угрожает ни путникам, ни торговцам. Саулы покрывают большие расстояния за короткое время, другие ездовые животные медленнее, но и поездки редко бывают дальними. К тому же часть водного пути пролегает через земли племен, а раньше тагайни с ними не ладили, что создавало опасность передвижения водным путем. Однако, – я дождалась, когда Рахон подойдет к пирсу. Он выбрался на деревянный настил, привязал лодку и подал мне руку. Я отказываться от помощи не стала. И уже когда мы поднимались по лестнице, продолжила: – Однако это вовсе не означает, что тагайни не имеют лодок. Ты сама знаешь, у нас есть и парусники, и челны, и весельные лодки.

Да, всё это у нас было и пока использовалось по большей степени для рыбалки, но дружба с племенами открывала нам новые возможности. И возможности эти были несоизмеримо большими, чем утоление насущных нужд. Придет время, и Айдыгер обзаведется своей речной флотилией. Мы разовьем торговлю за пределами дайната и не только. Наши исследователи пройдут много дальше. У нас целый непознанный мир, который ждет своих картографов, ученых и мореплавателей, а море должно быть, непременно должно. И когда-нибудь айдыгерцы выйдут к нему. Но даже если море слишком далеко от нас, то речное сообщение остается нам доступным, и оно откроет секреты Белого мира, еще неизвестные нам. Пусть не в наше с Танияром правление, но потомки продолжат наше дело.

Впрочем, об этом я не стала говорить моему похитителю и собеседнику. Ему знать о наших намерениях было незачем.

– Мы уже давно используем реку, – несколько сухо произнес Рахон.

– Разумеется, – кивнула я. – Вам она облегчает путь там, где по земле идти опасно, тяжело и долго. Люди всегда и везде подстраиваются под условия существования.

Он что-то буркнул себе под нос, явно в очередной раз недовольный моим равнодушием. Меня переживания илгизита не тронули, гораздо больше я хотела увидеть внутреннее устройство харата Дэрбинэ, где обитал неведомый мне йарг Бальхаш. Кстати...

– Тебя чем-то можно удивить? – спросил пятый подручный, едва я открыла рот, чтобы задать свой вопрос.

Усмехнувшись, я кивнула:

– Покайся, Рахон, признай свои заблуждения и вернись к истокам истинной веры. Вот тогда я буду искренне изумлена, а может, даже испытаю восторг и восхищение.

– Моя вера истинна, – заносчиво ответил илгизит. – Ты не убедишь меня, что я ошибаюсь. Но я попробую показать, насколько щедрей и милостивей наш Покровитель.

– Ты знаешь, что я думаю о его щедрости, – отмахнулась я.

Харат был обнесен каменной стеной, и стояла она шагах в ста от реки. Были ли на стене воины, я пока не видела, только свет факелов окрашивал ее край оранжевыми бликами. Но, к моему удивлению, ворота были открыты, несмотря на поздний вечер.

– Они не закрывают ворота?

– Нет, не закрывают, – ответил Рахон. – Только когда грозит опасность. Йарганы надежно охраняют Дэрбинэ.

– Йарганы... воины йарга?

– Верно, Ашити... – улыбнулся илгизит. – Идем.

– Рахон, – позвала я его, и пятый подручный снова остановился. – Как называется ваше государство? Я знаю, что равнину вы называете Дэрбинэ, как и харат. Но что это? У тагайни – таган, теперь появился дайнат. А у вас?

– Йарганат, – ответил Рахон.

– И велика ли рать йарганов?

– Велика, дайнани, – прохладно произнес илгизит. – Больше вашего воинства ягиров. Особенно после недавней войны. Даже с теми, кто встал с Танияром, вас всё равно меньше.

– А махир с подручными тоже воины?

– Махир не воин, он великий мудрец.

Я кивнула, больше не настаивая на ответах. Главное я услышала – подручные могут участвовать в боевых действиях, а это уже нехорошо. Если язгуйчи мы теперь наберем немало, то против чародеев нам выставить некого. И вот это сильно огорчило и заставило задуматься. Надо будет больше узнать о возможностях подручных.

А пока я размышляла над услышанным, мы вошли в ворота. И вот тут я увидела этих таинственных йарганов. На них были надеты доспехи, очень похожие на халын ягиров, только шлемы имели остроконечную форму. На поясе висел клинок, но ленген это или что-то иное, я сказать не смогла бы. Для этого нужно был подойти и вытащить оружие из ножен, но мне вряд ли позволили бы это сделать. Еще в их руках были копья, которые скрестились, преградив нам дорогу, едва мы переступили границу ворот.

– Рахон из Дааса, – коротко произнес пятый подручный.

Копья с нашего пути убрали, и мы прошли дальше. И больше пока впечатлений не было. Дома в харате стояли деревянные, каменных я пока не увидела, и стилем очень напоминали хорошо знакомые мне жилища тагайни. Впрочем, в этом-то ничего удивительного не было. Илгизиты принесли свои знания из прошлого, когда еще их предки илгизитами не были. И пока мы шли, я могла бы подумать, что мы всё еще бродим по таганам, если бы вдруг подвела память и я позабыла, что меня похитили и привезли в горы. В йарганат Дэрбинэ.

– А как называется жена йарга? – любопытствовала я. – Йаргани?

– Жена йарга, – ответил Рахон. – Женщины живут в дартане... Это часть дома, где живет жена йарга и другие его женщины. Жена управляет дартаном, и никто не смеет перечить ей. Она выбирает, кто из женщин будет ублажать йарга. Если он не желает наложницу, то призывает жену.

– Вот как, – хмыкнула я. – А как обстоят дела с наследованием?

– Только дети от жены.

– А если она не родила сына?

– Если йарг будет милостив, он прогонит эту жену и выберет другую. Может взять наложницу, а может жениться совсем на другой женщине.

– А если не будет милостив? – я остановилась и развернулась к илгизиту.

– Казнит, – пожав плечами, ответил тот.

– Какое варварство, – я удрученно покачала головой и продолжила путь. – Бедные женщины.

– Женщина йарга не может достаться другому, – строго пояснил мне Рахон, и я усмехнулась.

– Разумеется. Ему целый дартан, ей удавку. Восхитительный обычай! Кстати, – тут же заинтересовалась я. – А дозволены ли у вас отношения между мужчиной и женщиной до свадьбы?

– Нет, – коротко ответил пятый подручный. – И костров у нас не жгут, где бы молодые спаривались без разбора.

– Зато у йарга дартан, – усмехнулась я. – Полагаю, и у других мужчин имеются свои дартаны?

– Только у тех, кто благословлен Покровителем. Но они меньше, чем у йарга.

– Ну, разумеется, – покивала я. – А что с наказанием за неверность?

– Секут до смерти. Мужчину тоже секут, если он бросил семью, но до полусмерти, потому что он должен заботиться о жене и детях.

– Как мило! – воскликнула я. – А если надругательство? Если он взял женщину силой? Как тогда? Пальцем ему погрозыт или снова ее до смерти?

– Тихо, – прервал меня Рахон. – Потом поговорим, мы уже пришли.

Всё еще полная негодования, я посмотрела в ту сторону, куда указал илгизит. Мы вновь стояли перед каменной стеной, и за этой стеной черной громадой возвышался дом, тоже каменный. Рассмотреть его толком я сейчас не могла, но была уверена, что это дворец йарга, потому что перед закрытыми воротами и на стене стояли воины. И это был пока единственный каменный дом на весь харат, который городом можно было назвать с великой натяжкой. Впрочем, я могла изначально неверно истолковать это слово – харат, и под ним подразумевалось просто большое поселение.

– Помни, что ты обещала, – шепнул Рахон. – Ни слова об Урунжане и его милости. Моя власть здесь невелика.

– Ни слова, – подняв руку, шепнула я. – Клянусь моей верой в Создателя.

– Аш-шити, – зашипел пятый подручный.

– Я же шепотом, – ответила я укоризненно. После подняла руку и сделала жест, будто закрываю рот на ключ.

Илгизит с минуту сверлил меня пристальным взглядом, а после повел к воротам. Я шла рядом и размышляла. Зачем Рахон притащил меня сюда? Ни за что не поверю, что не было иного места поближе, где мы могли бы остановиться на постой. Но мы прошли еще половину равнины, промчались по порогам и оказались еще дальше от цели нашего путешествия, точнее, моего похищения. Зачем было вести меня во «дворец» йарга, где влияние пятого подручного невелико, рискуя не исполнить волю махира?

– Рахон из Дааса принес весть от великого махира, – надменно произнес Рахон, глядя мимо стражей, стоявших у ворот.

Я перевела на него изумленный взгляд. Весть от махира? Да откуда бы ей взяться, если мы идем из Айдыгера? Или же есть какой-то способ передачи сообщений между Алтаахом и его подручными? Но тогда вот он и ответ на мои предыдущие вопросы. Мы всего лишь... Стоп! Я потеряла переносицу. Не вяжется.

Изначально мы шли к сестре Рахона, и он вряд ли собирался оставлять меня там, чтобы отправиться к йаргу. Если бы махир собирался что-то передать правителю, то для этого у него полный Даас посыльных. Это проще и логичнее, чем направлять в столицу моего илгизита, который идет издалека. И тогда он... солгал?

– Кто с тобой? – спросил один из стражей.

– Гостя великого махира, – ответил пятый подручный.

– На ней платье тагайни...

О, как же величественен был сейчас Рахон! Этот поворот головы, этот взгляд свысока, эта поза, слегка вальяжная, но полная собственного достоинства!

– Алтаах позабыл спросить у тебя, кого приглашать к себе в гости? – ледяным тоном спросил илгизит, и йарган упал на одно колено:

– Велик махир, и мудрость его безгранична.

– Покровитель не оставит тебя своей милостью, – произнес Рахон, простерев руку над головой стража. – Идем, дайнани.

И вновь я смотрела на него в изумлении – пятый подручный обратился ко мне сообразно титулу. Ну, раз дайнани... И я вздернула подбородок, расправила плечи и зашагала рядом, в один миг превращаясь в истинную супругу властителя. Только вот мне всё равно было любопытно, что творится в голове моего похитителя. Если никакого послания на самом деле нет, то что он скажет Бальхашу, когда тому доложат о причине появления Рахона? А так как никто не мог мне ответить на мои вопросы, кроме самого илгизита, приходилось ждать развития событий.

А пока мы подходили к дому йарга. Масляные светильники, расставленные по дороге от ворот до входной двери и вдоль каменных стен, не позволяли увидеть то, о чем говорил мне Рахон. Однако и этого света хватило для того, чтобы я приостановилась и заскользила взглядом по фасаду, потому что ракушки все-таки мерцали. Таинственно и притягательно. Но вот пятый подручный чуть подтолкнул меня, и я пошла дальше.

В молчании мы вошли в высокие деревянные двери, обитые металлическими полосами. Пока новых впечатлений не было. Мрачноватые стены без украшений, по крайней мере я их не разглядела в сумраке, царившем на первом этаже. И лестница, по которой мы поднялись наверх, не имела никаких изысков. Я даже успела подумать, что фантазии архитектора и обитателей дома хватило лишь на ракушки.

А потом Рахон уверенно толкнул дверь еще неизвестного мне помещения, и вот тут рот мой открылся. Не в прямом смысле, разумеется, внешне я осталась невозмутима, но изумление оказалось велико. Мы вошли в небольшую комнату, которую я могла бы назвать гостиной. Стены ее оказались задрапированы! И не просто обтянуты тканью, но ткань эта была искусно выткана изображением цветущего сада. Не то чтобы создавалось ощущение, что вы попали в сад, но по стенам тянулись тонкие черные ветви, покрытые пышными цветами розового цвета. Местами с них облетали лепестки, где-то сидели птицы, и всё это на фоне скал. Потрясающе!

– Вот ты и удивлена, – негромко произнес Рахон.

Я перевела взгляд на своего похитителя и снова заскользила им по стенам, продолжая рассматривать вытканное полотно. Сад тянулся по обеим сторонам, а по центру, на стене, стоявшей напротив двери, от него переходили лишь несколько цветущих веток. Зато там были скалы, а еще мужчина, сидевший на вершине, скрестив ноги. Он раскинул руки и глядел на вошедших спокойным взглядом черных глаз. Одежда его тоже была черной, долгополой, и она развевалась на ветру, как и черные волосы мужчины. По платью его шел затейливый орнамент, и в волосы были вплетены белые бусины вроде жемчужин.

– Кто это? – спросила я тихо, пользуясь тем, что мы всё еще были одни.

– Наш Покровитель, – с улыбкой ответил Рахон.

– Потрясающе, – признала я. – Очень хорошо.

– Вот ты уже и не кривишься при его упоминании, – заметил пятый подручный, и я отмахнулась:

– Я говорю о работе. Великолепно, просто великолепно. Тот, кто это вышивал, настоящий мастер. Я поражена изяществом.

– У тагайни такого нет, – тут же ввернул илгизит, и я скептически хмыкнула.

– Полагаю, что нечто подобное можно встретить в Курменае, – сказала я. – Этот таган наиболее развит. Не удивлюсь, если и мастер, который это сотворил, тоже из Курменае.

– У нас есть свои мастера, – буркнул Рахон.

Я спорить не стала. Почему нет? У нас тоже талантливые вышивальщицы. Если заказать им что-то подобное, сделают не хуже. А пока мы всё еще были в одиночестве, я продолжила осмотр, но теперь разглядывала обстановку. Ее почти не было. Ни кресел, ни стульев, ни лавок. Зато имелся широкий помост, покрытый шкурами. На нем стоял невысокий столик и лежало множество подушек. Имелись еще светильники, ну и, пожалуй, всё.

– Что это? – спросила я илгизита, обведя комнату рукой.

Ответить он не успел, потому что послышались шаги, и в дверь вошел мужчина лет тридцати с небольшим. Ростом он был пониже Танияра, примерно как и Рахон. Сложением он был даже в чем-то изящен, но не плечист. Я бы не назвала его мужественным, и красивым тоже, но что-то этакое в его облике было. Его светлые, но не белоснежные волосы были собраны в высокий хвост, а с висков спускались две тонкие косицы. И одет мужчина был наподобие Илгиза, изображенного на драпировке. Длинное до пола одеяние, перетянутое на талии широким поясом. На плечах его была накидка, тоже длинная, с меховым воротником. По накидке и по платью широкой полосой шел незнакомый мне орнамент.

Незнакомец остановился напротив нас и, скользнув по мне взглядом, перевел его на пятого подручного.

– Послания нет? – спросил йарг Бальхаш.

– Нет, – ответил Рахон, и правитель Дэрбинэ усмехнулся:

– Так и знал.

А затем... он сжал плечи моего илгизита ладонями и ухмыльнулся:

– Ты всегда найдешь, как пройти в мой дом.

– Всегда, – ответил Рахон.

На его губах заиграла ответная усмешка, и он пожал плечи йарга в ответ. Стало быть, они в приятельских отношениях. Или около того. Бальхаш отступил от подручного и указал на помост. Рахон поглядел на меня:

– Идем, дайнани.

Значит, показывать легкость нашего общения мы не будем, поняла я. Чуть склонив голову, я направилась в указанном направлении. И вышло так, что шла я первой, мужчины за мной.

– Кто это? – спросил йарг, даже не пытаясь понизить голос. – На ней платье каанши. Из какого она тагана?

– Рахон, – не оборачиваясь, произнесла я раньше, чем подручный ответил. – Ты снова забыл меня представить.

– Не успел, дайнани, – сухо ответил илгизит.

– Тогда сделай это, когда мы все окажемся лицом друг к другу. Иначе я решу, что даже йаргу не знакомо слово «учтивость».

– Не каанше учить йарга, – заметил Бальхаш, впрочем, без раздражения или враждебности.

– Я не каанша, – сказала я и, поднявшись на помост, обернулась.

Теперь мы были одного роста с обоими мужчинами. Глаза Рахона таили упрек и недовольство, а вот йарг смотрел с явным любопытством, ничем не проявив, как отнесся к моему высказыванию. Выдержав паузу, я заговорила первой:

– Я – дайнани Ашити, дочь шаманки Ашит из священных земель, жена дайна Танияра – первого в роду дайнов Айдыгера.

Вот теперь и йарг посмотрел на Рахона, и в глазах его был вопрос. А когда он заговорил, то спросил вовсе не то, что я ожидала.

– Что еще за Айдыгер?

И ни капли возмущения на то, что в его дом привели дочь шаманки, да даже вопроса «Откуда у шаманки дочь?» не последовало. Я поглядела на Бальхаша с большим вниманием. Его не интересовали мелочи, вопрос был по существу. Умен.

– Сядем, расскажу, – ответил Рахон. – Мы много прошли и с утра ничего не ели.

– Эй! – тут же крикнул йарг.

И когда дверь приоткрылась, просто щелкнул пальцами. Пятый подручный поднялся на помост, обошел меня и первым уселся на подушки. Я последовала его примеру. Бальхаш устроился напротив. Он снова глядел на Рахона, и тот не стал томить йарга.

– Недавно Белый камень и Песчаная коса напали на Зеленые земли. Каан Зеленых земель победил. Теперь нет трех таганов, но есть единый дайнат, которым правит Танияр – сын Вазама и старший брат Архама.

– Махари?

– Вернулась в Дэрбинэ.

– Где она?

– У Геншеле.

– А почему вы здесь?

На этом вопросе и я посмотрела на Рахона. Тот пожал плечами и любопытствовал:

– Передать Алтааху, что тебе его гостя не по нраву?

– Я не говорил, что не рад... гостям, – усмехнулся Бальхаш. – Значит, Айдыгер?

Пятый подручный кивнул, и йарг снова поглядел на меня. Я ответила ему тем же. В его глазах по-прежнему было любопытство, я смотрела со спокойным равнодушием.

– Красивая жена у дайна Танияра, – наконец произнес правитель Дэрбинэ.

– Твоя жена тоже красива, – ответил Рахон.

– Ценишь женскую красоту, йарг? – спросила я.

– Если женщина красива, я это вижу, – сказал он, пожав плечами. А затем спросил уже у меня: – Откуда у шаманки дочь?

– Дар Белого Духа, – сказала я, глядя ему в глаза.

Реакции не последовало. Меня не призывали не упоминать Создателя там, где почитают его вероломного брата. Йарг посмотрел на Рахона, и тот ответил:

– Ашити пришла издалека.

– Откуда?

– Из других земель.

– У нее зеленые глаза и белые волосы. Полукровка пагчи? И как же тогда тагайни взял ее в жены?

– По любви, – ответила я. – Мой муж лишен предрассудков. Он слушает только себя и свое сердце.

– Пред... чего? – переспросил йарг. – Что это за язык?

– Язык ее земель, – снова заговорил Рахон и перевел разговор: – Твои прислужники медлительны. Мы голодны и очень устали.

– Что это за земли? – спросил Бальхаш, проигнорировав замечание пятого подручного.

– Ты решил накормить нас расспросами? – остался на своем мой илгизит.

– Эй! – снова крикнул йарг, не сводя с меня взгляда.

В этот момент дверь снова открылась, и вошли несколько девушек, несших блюда со снедью, в руках последней был поднос с кувшином из белого металла и такие же стаканчики. Они степенно подходили к столу, ставили на него то, что принесли, кланялись своему господину и, бросив на меня взгляд, отходили в сторону. И когда последняя опустила среди блюд кувшин и расставила стаканчики, йарг поднял руку. Он неопределенно шевельнул кистью, и прислужницы, бесшумные, будто тени, удалились. Вновь остались только мы втроем.

С одной стороны, вышколенная прислуга радовала глаз. Им не приходилось раз за разом напоминать, что не стоит совать свой нос куда не следует и кто находится перед ними. А с другой... Не было той душевной теплоты, какая осталась в милом сердцу Иртэгене. Даже ворчанье Сурхэм стало мне дорого. Впрочем, она и не была прислугой в полном смысле этого слова, эта женщина стала полноценной частью нашей семьи. И все-таки...

– О чем думаешь, дайнани? – вырвал меня из размышлений Бальхаш.

– Прислуживают только женщины? – спросила я первое, что пришло в голову. Открывать своих переживаний илгизитам я не намеревалась.

– Да, – ответил йарг.

- А если работа требует усилий?
- Для этого есть сильные женщины.
- Мужчины?
- Мужчины – это воины, – сказал Бальхаш.

И потому вы сильнее, как уверял Рахон. Эта короткая фраза йарга открыла мне истину. Каждый мужчина Дэрбинэ – воин. Потому им позволено больше, чем женщинам, потому наказания менее суровы. Их оберегают, по этой причине войско илгизитов действительно многочисленно. В нем состоит всё мужское население равнины, а вместе с ними сотня подручных махира и их ученики. Сам махир Дааса не покидает. Если илгизиты сдвинутся с места, они станут подобны лавине, что сметет на своем пути таганы и племена.

Вопрос только в том, почему они еще не напали? Продолжают наращивать мощь? Хотя она у них и без того велика, если учесть, что на тагайни они уже смотрят не как на потенциального собрата, а на врага – пример Геншеле. Может, оружие? Создают нечто такое, что стрелы и лангены им будут нипочем. Почему нет? Тогда я со своими знаниями из другого мира могу быть и вправду полезна. Только вот знания мои распространятся на административную часть управления, но никак не на военную. Хотя они-то этого не знают. Впрочем, об оружии я помню, но не знаю принцип его устройства, а если бы и знала, то уж точно не сказала илгизитам. Надо будет разобраться...

– И вновь ты задумалась, дайнани, – произнес Бальхаш. – Женщине не надо думать, за нее это сделает мужчина.

– Ты прав, йарг, – я чуть склонила голову. – Потому не обращай на меня внимания. Пусть мужчины разговаривают, я помолчу.

– Твой голос приятен, я готов его слушать, – улыбнулся правитель Дэрбинэ.

Взгляд его продолжал скользить по мне, и был он оценивающим. Я скрыла усмешку. Во мне видели привлекательную женщину и только женщину. В общем-то, неплохо, даже очень хорошо. Чуть прищурившись, я осмотрела йарга оценивающим взглядом в ответ. Только вот оценивали мы друг друга по-разному. И, приняв решение, я заглянула сластолюбцу в глаза уже иначе.

– Твой голос тоже хорош, – ответила я. – Такой голос может принадлежать лишь сильному и умному мужчине.

Рядом поперхнулся Рахон. Ни я, ни йарг не обратили на него внимания. Мы продолжали смотреть друг на друга, а потом... потом я смущенно улыбнулась и опустила глаза, позволив ему одержать верх. Сильный мужчина не может проиграть слабой женщине. Бальхаш едва приметно усмехнулся, для него всё было правильно. Для него – да, а вот пятый подручный...

Я скосила на него взгляд, но мой илгизит как раз снова потянулся к блюдам, и мне так и не удалось понять, заподозрил он что-то или же решил, что это моя очередная причуда. В уме ему я отказывать не стала. Сейчас я даже жалела, что не знала раньше о том, как правитель Дэрбинэ относится к женщинам, иначе выстроила бы иную линию поведения сразу. Однако отказываться от только что выбранного образа не стала и потому, опять бросив на йарга взгляд из-под ресниц, я тоже потянулась к блюдам...

– Лучше это, – мягко сжав мое запястье пальцами, остановил меня Бальхаш и переместил мою руку к другому блюду.

Теперь я посмотрела на него уже пристально, не спеша освободиться от захвата. Глаза в глаза. А затем, прикусив губу, опустила ресницы, кивнула и взяла предложенную глиняную чашу со снедью.

– Благодарю, – улыбнулась я.

Йарг откинулся на подушке и продолжил наблюдать за мной со снисходительной полуулыбкой. Рахон не глядя протянул мне влажную тряпку, лежавшую на одном из подносов, на который я до этого не обратила внимания. Кивнув ему, я оттерла руки и приступила к насы-

щению, в душе сожалея об отсутствии шамкалей – палочек, введенных мною в обиход жителей Иртэгена. Брать еду пришлось пальцами.

– Значит, три тагана объединились под властью одного правителя, – произнес Бальхаш, на время оставив меня в покое.

– Да, – кивнул Рахон. – Урунжан одобрил, тагайни подчинились. Я видел издалека. Пришлось выставить защиту, шаманка повязала их клятвой. Я даже ощутил жар, но Покровитель был милостив, он защитил меня от огня Урунжана.

Я с любопытством посмотрела на него. То есть даже до пятого подручного, который подглядывал со стороны, докатилось сияние костра и едва не спалило его как врага дайна. Как интересно. Велик Создатель и сила его велика! А раз позволил брату спасти своего прислужника, значит, он был ему нужен. Зачем? Чтобы мог меня похитить, разумеется. Белому Духу было нужно, чтобы я оказалась у илгизитов, и некоторая польза от этого путешествия уже есть. Даже любопытно, что в итоге Он задумал.

Наш Создатель – великий игрок, Он уже давно ведет свою партию, а мы, Его фигуры, продолжаем шагать по доске Судьбы, следуя предначертанному пути.

– О чем ты подумала, дайнани?

Подняв взгляд на Рахона, вернувшего меня к реальности, я неопределенно пожала плечами, а затем вернулась и к выбранной роли. Мой взор переместился на йарга. Он тоже смотрел на меня, и я, отставив полуопустевшую чашу, обтерла руки о влажную тряпку.

– Рахон рассказывал, что у вас принято заводить наложниц, – сказала я. Бальхаш продолжал смотреть на меня, ожидая, что я скажу дальше. – Твой дартан, наверное, полон красивых женщин.

– Тебе интересен мой дартан? – приподнял брови в ироничном удивлении йарг.

– Мне интересно другое, – ответила я. – У тебя и вправду много женщин?

– Одна может превзойти всех, – сказал он, скользнув по мне взглядом.

Я не стала делать вид, что не поняла намек, и вновь потупилась, растянув губы в улыбке.

– Неужто йаргу хватает сил на всех своих женщин? – задала я новый вопрос и поглядела ему в глаза.

– Я полон сил, дайнани, – улыбнулся Бальхаш, и я уловила нотку самодовольства.

– Стало быть, йарг искусен в любви?..

Вот теперь никакого смущения. Откровенный взгляд в глаза и короткий вздох. Кончики пальцев скользят по ободку стаканчика. После мизинец касается поверхности напитка, уже налитого, но еще не опробованного. Еще миг, и я слизываю каплю хмельного буртана. Теперь вздохнул йарг...

– Ашити!

От возгласа Рахона вздрогнула не только я, но и Бальхаш. Мы с йаргом одновременно перевели на пятого подручного недовольные взгляды. Думаю, мы и подумали об одном и том же – третий был сейчас лишним. Зато так не считал сам Рахон. Глаза его были наполнены ответным недовольством, даже негодованием.

– Зачем ты кричишь, Рахон? – спросила я с укоризной.

– Ты ведь был голоден, – напомнил Бальхаш.

– Мне показалось, – начал пятый подручный, продолжая сверлить меня взглядом, но наконец посмотрел на йарга и закончил: – Что голод мучит тебя. Мы пришли в то время, когда повелитель уже должен был насытиться. Но если это не так, то прости нас. Мы не смеем отвлекать великого йарга. Тебя, должно быть, ждет одна из твоих женщин.

Бальхаш обозначил удивление, однако уже через мгновение приподнял уголки губ в улыбке и ответил:

– Мои гости мне дороги, я не могу оставить вас. Покровитель будет недоволен, если я не буду почитать его законы. Я там, где должен быть.

– Так мы отвлекли тебя от важного дела? – переспросила я, вновь возвращая себе внимание повелителя Дэрбинэ.

– Не помню. Я всё забыл, как вошел в эту дверь, и вспоминать не хочу, – ответил он и налил хмельной напиток и в свой стакан. Затем посмотрел на Рахона и улыбнулся: – Ешь, Рахон. Мой гость не должен остаться голодным. Дайнани, – обратился Бальхаш снова ко мне и поднял свой стаканчик.

Я не стала отказываться и от этого. Подняла в ответ свой стаканчик и выпила разом половину. В голове зашумело, по телу разлилось приятное тепло, и щеки загорелись, придавая моему лицу достоверный румянец. И я вновь потупилась, пока ставила стаканчик на стол. После откинулась назад, приняв позу, которая могла выглядеть соблазнительной, но не должна была показаться йаргу слишком откровенной.

– И все-таки, – заговорила я, перебирая в пальцах прядь волос, – Рахон прав. Мы появились ночью, ты, должно быть, успел лечь. Наверное, в твоей постели осталась женщина...

– Не думай об этом, – прервал меня йарг и повторил: – Я там, где должен быть.

– Но разве же не долг мужчины заполнить женщину своим семенем, чтобы она родила нового мужчину, нового воина? – спросила я.

– У меня много воинов, – ответил повелитель Дэрбинэ. – Так много, что я могу передохнуть рядом с моими гостями.

Подняв на него взгляд, я спросила, в удивлении округлив глаза:

– Твое войско так велико?

– Велико, – неспешно кивнул Бальхаш. – Войско дайна не составит и трети от него.

– О-о, – протянула я с восхищением. – Неужели все мужчины Дэрбинэ встанут за твоим плечом? – Он глядел на меня с улыбкой, но вновь я уловила самодовольство, оно и подтвердило, что догадка верна. – У сильного правителя должно быть сильное войско. Неужто все на саулах?

– Саулы не водятся в горах, – как-то резко произнес Рахон. – Я говорил тебе об этом.

– Стало быть, воины пешие? – поглядела я на пятого подручного.

Он пожал плечами и выпил свой стаканчик с буртаном до дна. И тогда я снова посмотрела на йарга. Он внимательно следил за мной. Однако подозрительности в его глазах не было, только прежний интерес. Йарг не видел противника, только женщину, которая была подвластна сладким речам.

– Саулы бегают быстрее ветра, – заметила я и горделиво вздернула подбородок. – Ягир на сауле – это всё равно что двое, а не один. Выходит, что войско моего мужа не треть твоего, а больше его половины.

Мое бахвальство вызвало у Бальхаша снисходительную улыбку.

– У нас нет саулов, это верно. Но есть то, чего нет у ягиров... – он выдержал паузу, и, когда я подалась вперед, обозначив нетерпение, йарг взял с блюда с фруктами крупную красную ягоду и подался мне навстречу. Он не отдал мне ее, но приблизил к моим губам.

– Разве что-то может превзойти ягира на сауле? – с наивным удивлением спросила я. – Ни за что не поверю, что такое возможно.

Я откинулась на подушки и устремила на йарга самодовольный взгляд. Он поманил меня, и я послушно вернулась в прежнее положение.

– Хочешь увидеть? – таинственно понизив голос, спросил Бальхаш.

– Ты мне покажешь? – я недоверчиво распахнула глаза.

– Если хочешь, – улыбнулся он и провел ягодой по моим губам.

Я приняла ее предложенным способом, забрала губами из пальцев Бальхаша, а после ответила, глядя в глаза:

– Хочу. Сейчас.

Йарг протянул руку:

– Тогда идем.

Я вложила в его ладонь свою, но второй рукой зацепила Рахона и потянула за нами. Пятый подручный возражать не стал. В глазах Бальхаша отразилось недовольство, но кого оно волновало? Я оставаться наедине с йаргом не желала, это было лишним. Всё, чего я хотела, – это пробудить желание удивить и завоевать, тем более что дичь вроде бы была и не против. Однако против я была и даже очень. Рахон, кажется, тоже, потому что своего правителя он не удостоил и взглядом. Первым прошел к двери и, открыв ее, остановился в ожидании нас с властителем. Бальхашу оставалось смириться.

Впрочем, моей руки он так и не выпустил, хоть я и попыталась ее освободить. Не став дергаться, я опустила глаза, в очередной раз изобразив смущение, и позволила вести меня. И, признаюсь честно, я была заинтригована. Несколько насторожена, это верно, но заинтригована не меньше. И если Рахон успокаивал и вселял надежду в мою безопасность своим присутствием, то любопытство мог удовлетворить только йарг.

Мы покинули не только трапезную (так я нарекла комнату со столом и, похоже, не ошиблась), но и сам дворец, если мне будет позволено так называть обиталище повелителя илгизитов. Впрочем, со двора не вышли, а обогнули дом и оказались с другой его стороны. Кстати, подворье йарга было вовсе не мало, даже больше старого подворья в Иртэгене. Но это к слову.

Обойдя дом, мы оказались на большой площадке, расчищенной от зелени и всяких построек. А посреди нее...

– Боги, – прошептала я, взирая на то, чего не ожидала увидеть в Белом мире.

Нет, не так. Я ожидала, но еще не видела ни разу. А вот теперь узрела – метательное оружие. Оно было установлено на передвижную площадку, на которой могли уместиться и люди, чтобы наполнять корзину снарядами и отправлять их в сторону врага. И вот эта площадка привлекла мое внимание. Я приблизилась к ней, желая рассмотреть получше, потому что была она высоко поставлена. Мне хотелось понять зачем.

– Идем, – сказал Бальхаш и повел меня к деревянной лесенке, спускавшейся с заднего торца площадки.

Возражать я и не думала, послушно шагнула на ступеньку и поднялась наверх. Впрочем, свою заинтересованность я поспешила скрыть за удивлением:

– Что это такое и зачем оно нужно?

Бальхаш шлепнул ладонью по стойке и ответил:

– Это шерон.

– Шерон? – переспросила я. – А для чего он? Вот это вот что? – я указала на корзину. – Сюда что-то кладется?

– Да, – улыбнулся йарг. Он присел и потянул за кольцо в полу платформы. Этот люк я заметила сразу, но не могла задавать вопросы, а теперь илгизит сам показывал, мне оставалось только слушать и запоминать. – Гляди, – он поднес к люку факел, прихваченный еще в момент, когда мы вышли из дома. – Там сложены сварды – такие каменные шары. Корзина опускается туда...

Йарг протянул руку, и корзина нырнула в открытый люк. Бальхаш заговорщицки подмигнул, а после дернул за один из двух длинных рычагов. Раздался негромкий скрежет, что-то зашуршало, и илгизит потянул за второй рычаг. Корзина показалась над платформой, и в ней лежало ядро.

– Гляди, – произнес повелитель Дэрбинэ.

Он поднес факел к ядру, или, как его назвал йарг, к сварду, и холодный камень запылал. Я охнула без всякой фальши. Впрочем, я с начала демонстрации возможностей шерона пребывала в мрачном изумлении. Илгизиты недурно постарались. Их возможности впечатляли уже на примере только этого орудия. Но ведь могло быть что-то еще! И это не говоря уже о под-

ручных махира, об умении которых оставалось только догадываться. Боги, если бы они пошли войной на таганы, то смели бы их и прошлись по Белому миру сокрушительной волной.

– Дальше показывать не буду, – усмехнулся Бальхаш. – Мой Дэрбинэ мне дорог. Но если толкнуть вот этот рычаг дальше, то корзина поднимется, и свард полетит вперед. И что же ты теперь скажешь о ягирах на саулах?

– Велика твоя сила, йарг, – отозвалась я машинально, всё еще находясь под впечатлением нарисованной воображением картины. После подняла на него взгляд: – И это всё?

– Всё? – в удивлении переспросил Бальхаш. – Тебе этого мало?

– Ашити редко удивляется, – произнес Рахон. – Она любит птиц, но любопытство быстро проходит, когда видит настоящие чудеса.

– Тому есть причина, – ответила я. – Но сейчас я потрясена тем, что вижу. Шерон – грозное оружие, он пугает.

Не дожидаясь, когда йарг решит спуститься на землю, первой сошла вниз и присела, чтобы рассмотреть то, что находилось под платформой, но в темноте ничего не смогла увидеть. Однако уже через минуту тьму рассеял свет факела. Это Бальхаш присел рядом и подсветил мне. Под днищем платформы тянулся желоб, закрытый сеткой из толстого железа. На конце его, под люком, было сделано приспособление вроде поперечного желобка. Нахмурившись, я потерла лоб и поняла: корзина, опускаясь, попадает на этот желоб и фиксируется. Потом тянут рычаг, и большой желоб наклоняется. Ядро скатывается в корзину, и ее поднимают уже другим рычагом, им же и доводят действие до конечного итога, в результате которого снаряд летит к цели. Весьма недурно...

– Дайнани, – позвал меня Рахон. – Я думаю, ты хочешь отдохнуть. День был долгим, дорога длинной.

Я обернулась, смирив илгизита пристальным взглядом и распрямилась.

– Да, – не стала я спорить. – Я очень устала.

– Дайнани, – позвал меня Бальхаш, но пятый подручный встал между нами.

– Прости, йарг, – сказал он, – великий махир ожидает дайнани. Утром мы уйдем, потому пусть поспит хоть немного. Дайнани – женщина.

– Это я хорошо рассмотрел, – усмехнулся повелитель Дэрбинэ.

Затем развернулся и ушел, больше ничего не сказав. Я посмотрела на Рахона, но и он уже направлялся прочь от шерона. Догнав его, я пристроилась рядом и, перестав сдерживаться, скрыла зевоту за тыльной стороной ладони.

– Ужасно хочу спать, – призналась я.

– Зачем ты заигрывала с йаргом? – спросил илгизит.

– Он привлекательный, – пожалала я плечами.

– Ты любишь своего мужа, – ответил Рахон. Затем повернул голову, посмотрел на меня и закончил: – И ты умная.

– Ты тоже, Рахон, – усмехнувшись, ответила я. – Ты тоже.

Глава 6

Дворец йарга сиял. Он переливался в лучах утреннего солнца, словно искусно ограненный бриллиант. И это сияние не слепило, оно не выглядело нарочитым, но было чарующим. Казалось, можно вечность смотреть на невероятное великолепие, созданное лишь с помощью раковин. Сам дом не отличался изяществом, он не был рукотворным чудом, но эти раковины... Они преображали грубоватое строение в три этажа, делали его невесомым и сказочным.

– Как же красиво, – сказала я, не имея силы отвести взора от чудеснейшего зрелища.

Мы стояли с Рахоном на склоне горы, по которой теперь лежал наш путь, и я смотрела на столицу горного государства. Нет, сам Дэрбинэ оставил меня равнодушной, но вот дворец йарга, возвышавшийся над остальными домами, покорила невероятным зрелищем. Я не желала туда вернуться еще хотя бы раз, даже вспоминать не собиралась, но налюбоваться никак не могла.

– Хотя что-то тебя удивляет, – усмехнулся за моей спиной Рахон. – Или жалеешь о том, что слишком крепко спала?

Я обернулась и смерила илгизита непроницаемым взглядом. Он широко ухмыльнулся в ответ и кивнул на двух животных, которых я видела в первый раз в жизни. На них нам и предстояло продолжить путь. Они были ростом пониже саулов, но значительно превышали рост йенахов. Носили они название салгар. Ну а так как их было двое, то, соответственно, салгары.

Обитали салгары в горах, и использовать их на землях тагайни было всё равно что прокричать «Я илгизит!». Эти животные гордо несли на своих тупоносых округлых головах по четыре рога: два длинных и два маленьких. Они не были столь воинственны, как саулы, но после обучения всадник мог использовать их рога как дополнительную защиту. Строение тела живо напомнило мне оленье, и хвост у салгаров тоже был короткий. Да, наверное, можно смело сказать, что это были местные горные козлы, которых превратили в верховых животных.

Я пока мало узнала характер салгаров, но могла сказать точно, что в них не было саульей преданности, думаю, и скорости тоже. Но это мне только предстояло узнать. И они не жаждали ласки, как малыши-йенахи. Ожидая своих новых всадников, оба салгара стояли спокойно, жевали траву и не спешили сбежать, несмотря на то что были без привязи. В общем, мне они понравились, но особой теплоты я не ощутила. По крайней мере, пока. Но главное, теперь нам не нужно было стаптывать ноги, эту честь мы отдали салгарам.

О, скакуны не единственное, что появилось у нас после посещения дворца йарга. Во-первых, я теперь была одета в чистое белье и платье, а в сумке Рахона лежал узелок со снедью, переданный нам одной из служанок по приказу Бальхаша. В общем-то, и салгары, и одежда тоже были его даром. Но только это. На завтрак нас не пригласили, он был дан в дорогу, и даже проводить и напутствовать добрым словом никто не вышел, несмотря на то что дворец покидал пятый подручный махира. И причина этого холода сейчас и растянула губы Рахона в глумливой ухмылке. Но обо всем по порядку.

Вечером служанки проводили нас к комнатам, которые подготовили для гостей. И комнаты эти находились вовсе не рядом. Рахон, обозрев ту, что приготовили мне, одарил меня тяжелым взглядом, после буркнул, что уходит, но не сделал и шага, потому что я вцепилась ему в рукав.

– Куда это ты собрался? – полюбопытствовала я.

– Спать, – коротко ответил пятый подручный, и я развернула его в сторону моей комнаты.

– Тогда ты уже на месте, – сообщила ему я, потому что тоже оценила предоставленные мне покои.

Нет, в них не было чего-то эдакого, и в то же время очень даже было. Хотя бы ложе, занимавшее половину комнаты. А еще драпировка. И вроде бы просто обивка вишневого цвета, по которой змеился золотой орнамент, но! Знаете, что пришло мне на ум, пока я рассматривала узор? Сплетающиеся человеческие тела! И до того ярки были образы, что сомневаться в намерениях хозяина дома уже не приходилось.

К тому же запах... Вроде бы ненавязчивый и приятный, однако у меня мелькнула мысль, что эти благовония имеют определенную цель. И она тоже была недвусмысленна. Может, даже и орнамент мне показался столь развратным, потому что начинал действовать аромат из курильницы, стоявшей рядом с кроватью. Но кроме всего этого была и большая круглая деревянная ванна, как я назвала ее про себя. От нее шел парок, и, когда я подошла ближе, по поверхности плыли цветы. И одежды, они тоже тут были. Из тонкой полупрозрачной ткани, и в них мне предлагалось переодеться после омовения. Так что не понять того, что мне стоит ожидать гостя, было сложно.

А вот взгляд Рахона озадачил. Пока я обходила комнату, илгизит стоял в дверях и не спускал с меня глаз, в которых застыло странное выражение. Обернувшись к нему, я задала вопрос:

– Что?

– Ты... – Он чуть помедлил, но все-таки произнес: – Хочешь, чтобы я остался?

– Разумеется, хочу, – ответила я. – Если я останусь тут одна, то выспаться точно не смогу. А я слишком устала, чтобы воевать за свою неприкосновенность. Потому что будешь делать ты, как и обещал. Только надо открыть окна, боги знают, до чего дойдет, если будем вдыхать этот запах. Что? – вновь озадачилась я, глядя на то, как лицо пятого подручного становится растерянным.

Еще спустя короткое мгновение щеки его стали пунцовыми, а еще спустя миг я увидела выражение досады, а следом его лицо и вовсе стало непроницаемым. Я постучала указательным пальцем по подбородку, пытаюсь понять всю эту метаморфозу. Затем еще раз вспомнила короткий разговор, состоявшийся только что, и глаза мои расширились

– Фу, Рахон, – покривилась я и постучала себя пальцем по лбу. – Ты с ума сошел? С чего ты вообще надумал подобную глупость? – После передернула плечами и велела: – Открой поскорей окна, пока и вовсе на тебя не нашло что-нибудь эдакое.

– Я ничего не надумал, – буркнул пятый подручный и, чеканя шаг, направился к окну, чтобы открыть его. – Нам не обязательно здесь оставаться.

– Комната мне нравится, – ответила я. – Кровать такая, что мы с тобой и не встретимся. Эту похабень, – я указала на приготовленную одежду, – я, разумеется, не надену. Омыться было бы недурно, но пока воздержусь. Хотя привести себя в порядок я бы хотела. Но ты должен будешь выйти. Твои мысли мне не нравятся.

– Нет у меня никаких мыслей! – рявкнул Рахон и стремительно направился к двери.

– Только не уходи никуда! – крикнула я ему вслед. – Я тебя позову, как буду готова.

Процесс омовения был скор и вызвал больше досады, чем удовлетворения, потому что я спешила, стараясь следить за входом и не оставаться полностью раздетой. Но хоть так. А вскоре я уже забралась в постель, отдав себе право выбрать лучшую сторону. И уже после этого крикнула:

– Рахон!

Илгизит вошел с каменным выражением лица. Кажется, он злился, но на меня или на себя, я разбираться не стала. Сам виноват. Это же надо было надумать, что я приглашаю его остаться для... Боги, да даже язык не поворачивается огласить помыслы пятого подручного. Вовсе без ума.

– Спи, – буркнул Рахон, заметив мой взгляд.

– Доброй но-очи, – зевнув, пожелала я и почти моментально заснула.

А проснулась оттого, что кто-то разговаривал неподалеку. Открыв глаза, я увидела спину Рахона. Судя по позе, он скрестил руки на груди. Перед ним стоял Бальхаш. Переговаривались мужчины негромко, но в ночной тишине я легко разобрала.

– Я еще раз говорю тебе уйти, – требовал йарг.

– Я должен беречь гостью Алтааха, – без всяких эмоций отвечал мой илгизит.

– Так разве я хочу ее обидеть? – искренне изумился Бальхаш.

– У тебя полный дартан красавиц, – воззвал к нему пятый подручный. – Тебе свозят их отовсюду. У тебя даже есть каанша! В жены ты взял первую красавицу Дэрбинэ. Твоя постель никогда не пустеет. Зачем ты пришел сюда?

– Сам рассуди, Рахон, – ответил сластолюбец, – я – йарг, она – дайнани, сам Покровитель привел вас в мой дом...

– Я привел нас, – рявкнул шепотом мой илгизит. – Я выбрал единственное место, где она не станет говорить, что вздумается. У нее такой язык, что лучше не давать ей раскрывать рта. Если не смутит, то разозлит, а я ее живой должен привезти в Даас. Буду защищать, скажут, что Рахон подпевает тагайни. Накажу ее, и Алтаах не получит того, чего желает.

Ну, вот и ответ, зачем мы тащились в дом йарга. Только я всё равно людей смутила и разозлила. Зря старался. Я мстительно осклабилась, пользуясь тем, что на меня не смотрят.

– Уходи, Бальхаш. Никто не притронется к ней и пальцем, – тем временем продолжал Рахон.

Впрочем, повелитель Дэрбинэ продолжал упорствовать:

– Ты же видел, как она смотрела на меня, – возразил он. – Ашити сама желает того же, что и я.

– Ашити не та, чьим взглядам стоит верить, – отчеканил пятый подручный. – Она умна и коварна.

– Она женщина, – отмахнулся Бальхаш. – Женщина не превзойдет мужчину ни в уме, ни в хитрости.

Какая наивность! Могла бы воскликнуть я, даже рассмеяться с нескрываемой издевкой, но делать ничего этого не стала, потому что изо всех сил продолжала спать.

– Ты ошибаешься, повелитель, – усмехнулся за меня Рахон. – Акмаль и Хазма больше двух зим обманывали тагайни. И обманывали бы и дальше, если бы не появилась третья женщина. И она перед тобой. Не суй руку в пасть рырха – отгрызет.

– Теперь я еще больше хочу, чтобы ты ушел, – ответил упрямец и повысил голос: – Ашити!

Рахон зашипел на него, а я перевернулась на другой бок и накрыла голову покрывалом, так показав, что мне мешают спать.

– Уходи, – снова рявкнул пятый подручный, – или скажу Алтааху, как ты уважаешь его гостей.

Они и дальше продолжали спор, но о чем говорили, я уже не слышала, потому что снова провалилась в сон. А утром Рахон выглядел еще более усталым и помятым. Сколько он выдерживал осаду, я не знаю, а спрашивать не стала. И так было понятно, что не спал всю ночь. Может, йарг и ушел вскоре, но мой охранник продолжал сторожить. Что до Бальхаша, то, как уже говорила, больше я его не видела. Впрочем, его дары мы получили, и на том спасибо. Но главное – благодарность за то, что показал шерон. Матери я про него уже рассказала.

– Долго ли нам ехать до Дааса? – спросила я, забираясь в седло.

– Теперь недолго, – ответил пятый подручный. – Салгары бегают не так быстро, как саулы, но зато провезут там, где другим хода нет. Ай-ха! – резко выкрикнул илгизит, и его скакун сорвался с места.

Я лишь усмехнулась и покачала головой. То, что Рахон красуется, было ясно и без пояснений. И пока великовозрастный мальчик резвился, я дважды ударила пятками по бокам сво-

его салгара, и животное побежало неспешной рысью. Потрепав его по шее, покрытой короткой золотистой шерстью, я умиротворенно вздохнула и обернулась в последний раз. Дворец йарга продолжал переливаться в солнечных лучах. А спустя минуту я уже выкинула всё лишнее из головы.

Рахон, сделав круг, вернулся ко мне и пристроился рядом. Я одарила его ироничным взглядом, и илгизит задрал нос, но уже через мгновение улыбнулся, продолжая глядеть вперед. Покосившись на него, я вновь усмехнулась и вздохнула с умиротворением. Признаться, на душе моей было хорошо и спокойно, даже несмотря на то, что вскоре мне предстояло познакомиться с главным колдуном илгизитов. Наверное, и Архама с матерью я тоже встречу, а заодно и Акмаль. Но ничего из этого меня не угнетало, потому что я шла по доброй воле и с собственной целью. А еще за моим плечом был сам Белый Дух, а с такой защитой опасаться какого-то махира и всего его воинства было глупо. И я, подняв лицо кверху, зажмурилась и послала небу широкую улыбку.

– Ты так спокойна, – послышался голос Рахона, – будто тебя и не похищали.

– А разве ты меня похитил? – фальшиво удивилась я. – Мне казалось, что ты пригласил меня в гости. Подумай, прежде чем ответить, Рахон. От этого будет зависеть, как я стану себя вести.

Он сощурился на ярком солнце, после хмыкнул и ответил:

– Конечно, пригласил в гости, Ашити.

– Тогда к чему мне переживать? Разве гостя могут обидеть?

– Лишь бы гость не пытался обидеть хозяев, – с намеком ответил илгизит.

– Так пусть хозяева не обижают первыми, и мы не поругаемся, – я пожала плечами и отвернулась.

– Мы не хотим обижать тебя, мы хотим подружиться и помочь тебе...

Я порывисто обернулась, и илгизит оборвал сам себя.

– Чем это? Чем вы можете мне помочь?

– Вернуться, – улыбнулся Рахон.

Вновь отвернувшись, я некоторое время ехала в молчании, не спеша с ответом. О нет, я вовсе не раздумывала о том, что мне могут и вправду открыть путь в мой родной мир. У меня не было желания покидать гостеприимный мир Белого Духа. Не знаю, что я оставила там, но здесь я нашла любовь, друзей, я обрела себя! Мне было уютно среди тагайни, мне нравилось жить их жизнью и привносить в нее что-то от себя. И мне нравилось, что я не просто свидетель, но непосредственный участник происходящих событий. Я дышала полной грудью! И вот мне говорят: «Брось всё и уходи, откуда пришла». Зачем?!

– Зачем? – озвучила я свой вопрос.

– Что «зачем»? – переспросил Рахон.

– Зачем вам отправлять меня туда, откуда я пришла? Разве же я говорила, что хочу этого? И что за благодеяние вы хотите сделать для меня, если я даже не знаю, что было со мной прежде, чем оказалась в этом мире? А если там ждет враг или убийца? К чему вам помогать ему исполнить задуманное? Если мне там было плохо? С чего вы вообще взяли, что мне требуется какая-то помощь? Ответь, Рахон.

– Но там твой дом...

– Мой дом теперь здесь, – возразила я.

– Твои родные...

– Есть ли они? Но если и есть, то они не видели моего тела. Оплакивать покойника, стоя над его телом, и потерять и не знать в точности, что произошло, – не одно и то же. Если в первом случае уже известно, что всё кончено, и остается только приходить на могилу, то во втором есть надежда, а она позволяет верить в то, что близкий тебе человек жив и здоров. Кто знает, быть может, мои родные даже рады тому, что я исчезла. Если там остался недруг,

то они, напротив, могут быть счастливы, что я избежала угрозы и спаслась. Так зачем же вам вмешиваться? Какие намерения вами движут на самом деле?

Илгизит не ответил. Он смотрел вперед и на меня более внимания не обращал. А вот я на него поглядывала и размышляла. Пыталась понять причину желания «помочь». Когда-то Рахон говорил о том, что они могут вернуть мне память. Не скрывал, что махира интересуют мои знания. Теперь уверяет, что они смогут вернуть меня в родной мир. В первое посещение это обещание имело сослагательное наклонение, теперь же звучит более уверенно.

Решили избавиться от меня, чтобы ослабить тагайни? Это было бы возможно, если бы они уже не начали двигаться вперед. Буду ли я рядом, или нет, но маховик уже начал набирать ход. Самое главное мы с Танияром уже сделали – показали, что можно жить иначе, заставили думать и действовать. Прогресс уже сделал первые шаги, что показал кузнец и его новое оружие, которое я видела, когда смотрела со стены за битвой. И не только оружие. Так что мое исчезновение уже ничего не изменит.

Да и зачем так сложно избавляться от меня, когда можно было просто свернуть шею и оставить тело на старом подворье. Но Рахон говорит о моем мире. Зачем он вообще понадобился илгизитам...

– Да неужто, – пробормотала я себе под нос и опять устремила взгляд на пятого подручного. – Вы хотите перейти вместе со мной? Вы хотите попасть в мой родной мир? Это так? Зачем? Получить знания? Оружие? Насадить веру в Илгиза? Последнее невозможно, там свои боги, а вас слишком мало против целого мира. Значит, знания и оружие? Или знания об оружии?

Рахон бросил на меня непроницаемый взгляд и отвернулся, а я усмехнулась, всё более уверенная в своей догадке. Значит, я для них ключ от другого мира, и, чтобы туда попасть, нужно пробудить мою память. Возможно, им просто нужна я сама. Впрочем, нет. Им нужна моя память, потому что я не только ключ, но и проводник.

Да, весьма достоверно выглядит. Только вот я теперь еще больше не хочу возвращаться в тот мир, уже ради тагайни. И что же мне делать? Как помешать еще большему усилению врагов Создателя и его детей? Как не позволить илгизитам войти в портал? Мое благодушное настроение таяло с каждой уходящей минутой. Однако я заставила себя успокоиться, потому что еще ничего не произошло. И всё это всего лишь мои догадки. В любом случае мы еще даже не добрались до Дааса. К тому же на моей стороне Белый Дух, а значит, тревожиться рано. Хотя, признаться, ехать к великому махиру мне теперь вовсе не хотелось.

– Рахон, – позвала я, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, – вы ведь уже сильнее тагайни и всех племен, вместе взятых. На вашей стороне единство, они разобщены. У вас есть оружие, которого нет в таганах, а у племен так тем более. К тому же Илгиз одарил вас силами, которыми ты похвалялся. Зачем вам нужны знания чужого мира?

– Знания – это великая сила, – ответил илгизит.

– А если у вас ничего не выйдет? Если я ничего не вспомню или же вы не сможете открыть портал? Что тогда? Я перестану быть дорогой гостьей? Убьете меня? Мужу вряд ли вернете, но что тогда сделаете?

Пятый подручный задержал на мне взгляд, а после ответил:

– Ты не умрешь.

– А зачем я вам буду нужна, если не оправдаю ожиданий?

– Ты не умрешь, – отчеканил Рахон и отвернулся.

– Мило, – усмехнулась я. – Хорошо, успокою себя твоим обещанием.

– Ашити, – илгизит остановил салгара, я последовала его примеру, – зачем ты задаешь столько вопросов? Ты даже еще не вошла в Даас, не увидела Алтааха, не говорила с ним. Потерпи, и ты сама поймешь, что опасаться нечего. Махир мудр, он не обидит тебя.

– Увидим, – ответила я и снова пустила своего «козла» рысью.

Итак, моя роль в чаяниях илгизитов наконец-то определилась. И я более чем уверена, что таковой она была изначально. О чем будут вестись разговоры, я примерно предположить могу, значит, и продумать ответы. Это уже весьма недурно. Верно? Верно. Что еще я могу? Могу изворачиваться и лгать, даже если память и вправду вернется. А если попытаются влезть в сознание? У Рахона это уже не получилось, я от него закрыта. Возможно, и Алтаах не пробьется. И тогда им останется полагаться только на мою искренность, а ее я обещать не стану. И тогда что у нас выходит? А выходит, что я волнуюсь попусту. И доброе расположение духа вернулось.

Далее я ехала, вновь праздно рассматривая окрестности, но вскоре любопытство иссякло, потому что виды становились всё более однообразными – скалы, скалы и снова скалы. Растительность постепенно таяла, дорога становилась всё неудобнее и круче. А еще спустя некоторое время я сумела по достоинству оценить салгаров. Эти животные легко проходили те подъемы, которые я опасалась бы миновать и на собственных ногах. А когда они еще и начали перескакивать по камням, я и вовсе взвизгнула и крепче вцепилась в поручень, приспособленный к седлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.